

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Берестов

варварская лира

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Валентин Берестов

ВИТА НОВА

Санкт-Петербург
2003

УДК 882.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б48

Берестов В.

Б 48 Избранные стихотворения. — СПб.: Вита Нова, 2003. — 224 с. — (Варварская лира)

ISBN 5-93898-049-6

Валентин Берестов — поэт не взрослый и не детский. Он поэт «общего рода», лирику которого (в обычном ее понимании) трудно отделить от мгновенных фотографий поэтической памяти, становящихся поэзией то ли благодаря доброте и юмору, то ли вопреки природному уму и профессиональной умелости автора. Свои стихи он предлагает читателю как дар дружбы.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-93898-049-6

© Берестов В. Д., наследники, 2003

© А. Чернов, составление,
послесловие, 2003

© «Вита Нова», оформление, 2003

Какое отношение Валентин Берестов имеет к «Варварской лире»? Ну конечно, метафорическое (то есть для поэзии — прямое).

Следуя за метафорой Александра Блока, поясним: варварская лира — это отнюдь не балалайка, но, скорее уж, шестиструнные гусли древнего Бояна. Такие, какие сегодня археологи находят в культурном слое Новгорода, города, который молодой археолог Берестов копал на рубеже сороковых и пятидесятих годов прошлого столетия. На одних даже сохранилось вырезанное имя владельца: «Словиша» — Соловушка.

У Берестова есть такие стихи:

Мировая поэзия слишком грустна.
Хор поэтов, в отличие от птичьего хора,
Даже если рассвет, даже если весна,
Про былые невзгоды забудет не скоро.

Как и птицы, поэты поют о любви,
Но все больше о боли, изменах, разлуке.
Правда, есть у поэтов свои соловьи,
У которых сладки даже горькие звуки.

Это относится и к стихам самого Берестова, который в последние годы своей жизни начал петь свои стихи и подружился с московскими бардами.

А его «Эшелоны сорок первого» стали даже не бардовской, а народной песней.

ПЕСЕНКА ШУТА

*Двоюродному брату
Володе Похиалайнену*

Вот король идет в поход,
За собой войска ведет:
Сто румяных усачей,
Сто веселых трубачей.
И со связкою мечей
Едет старый казначей.
Воробышка подлетел
И на эту связку сел,
Увидал картонный меч
И повел такую речь:
«Меч картонный среди мечей,
Это чей?»
И король ответил смело:
— А тебе какое дело?

1942

В ОЧЕРЕДИ

— Посмотри, как нахально втирается дед!
Гражданин, нужно очередь раньше занять!
Что же будет, коль все перестанут стоять?
— Счастье, милые! — мы услышали в ответ.

1943

ПИСЬМО ОТ БАБУШКИ

Пробудили эти строки
Рой забытых голосов,
Переливчатый, далекий,
Тонкий-тонкий звон часов.
Хорошо, когда приснится
Счастье детского мирка,
Как, любуясь Аустерлицем,
Я водил по половицам
Дутых пуговиц войска,
Как на лаковой иконе
Над кроватями в углу
Лебедями плыли кони
В позолоченную мглу.

1943

КАЛУЖСКИЕ СТРОФЫ

О скромные заметки краеведов
Из жизни наших прадедов и дедов!
Вы врезались мне в память с детских лет.
Не зря я вырезал вас из газет!

1

Восточных ханов иго вековое,
И зарево пожаров над Москвою,
И сборщик дани на твоём дворе...
Все началось на Калке, на Каяле,
А кончилось стояньем на Угре.
(Здесь, удочки держа, и мы стояли.)

2

Болотников боярам задал страху.
Попрятались ярыжки и дьяки.
Нос высунешь — и голова на плаху.
И царь — мужик, и судьби — мужики.

3

Двойного самозванца пестрый стан
Здесь факелы возжег. И в блеске вспышек
Кружась ночью птицей, панна Мнишек
Смущала сны усталых калужан:

«Димитрий жи-и-в!» Но спал упрямый город.
Димитрий лжив. Не тронет никого
Лихое счастье Тушинского вора
С ясновельможной спутницей его.

4

Губернской Талии, калужской Мельпомене
Пришлось по нраву острое перо,
Здесь двести лет назад царил на сцене
Блистательный пройдоха Фигаро.

5

Здесь как-то проезжал поэт влюбленный,
Любовью нежных жен не обделенный,
Но самая прелестная из дев
(Поэт дерзнул сравнить ее с Мадонной)
Ждала его у речки Суходрев.

6

Дом двухэтажный в самом скучном стиле.
Шамиль с семьей здесь ссылку перенес.
И в их кругу семейственном гостили
Полиция, тоска, туберкулез.

7

Названья здешних улиц, в них воспеты
Бунтовщики, гремевшие в веках.
Не позабыты первым горсоветом
Жан-Поль Марат и даже братья Гракх.

8

Здесь Циолковский жил. Землею этой
Засыпан он. Восходит лунный диск.
И на него космической ракетой
Пророчески нацелен обелиск.
А он не думал вечно спать в могиле.
Считал он: «Космос нужен для того,
Чтоб дружным роем люди в нем кружили,
Которые бессмертье заслужили, —
Ведь воскресят их всех до одного!»

Он был великим. Он был гениальным.
Он путь открыл в те звездные края...
Училась у него в епархиальном
Учительница школьная моя.

1943, 1952, 1972

В КОМПАНИИ*Эдуарду Бабаеву*

1

Вот так идти бы снова
В распахнутых пальто,
Шарахаясь от рева
Мелькнувшего авто,
Остричь и лезть из кожи,
Чтоб всех переорать,
Расталкивать прохожих,
Путей не разбирать.
О этот звонкий вечер,
Когда и черт не брат!
Всегда б такие встречи,
Такие вечера!

2

Темный парк услаждался джазом.
И Венера сияющим глазом
В мир глядела, юна и ясна.
Фонари в золотой паутине,
И в зеленой небесной тине
Пучеглазой кувшинкой луна.

1943

КАЛУГА, 1941

Навеки из ворот сосновых,
Веселым маршем оглушен,
В ремнях скрипучих, в касках новых
Ушел знакомый гарнизон.
Идут, идут в огонь заката
Бойцы, румяные солдаты.
А мы привыкли их встречать
И вместе праздничные даты
Под их оркестры отмечать.
Идут, молчат, глядят в затылок,
И многим чудится из них,
Что здесь они не только милых,
А всех оставили одних.
Вот так, свернув шинели в скатки,
Они и раньше мимо нас
Шагали в боевом порядке,
Но возвращались каждый раз.
«И-эх, Калуга!» — строй встревожил
Прощальный возглас. И умолк.
А вслед, ликуя, босоножил
Наш глупый, наш ребячий полк.

* * *

Не по-русски, а вроде по-русски.
Необычен распев голосов.
Белоруски они, белоруски.
Из лесов. Из горящих лесов.
Гром войны. Громыханье телеги.
Разбомбленный, расстрелянный шлях.
И на скорую руку ночлеги
В стороне от дороги, в полях.

1943

ВЕСЕННИЙ ЛИВЕНЬ

Поют сады
На все лады,
Хоть полон рот воды.

1944

ПОДМОСКОВЬЕ

Здесь начинается Москва
С оврагов и грачей,
С кудрявой ивы у мостка,
С приезжих москвичей,
С антенн, церквушек, облаков,
Горчичной желтизны,
Грохочущих грузовиков
И сельской тишины.

1945

* * *

О этот день, до полуночи утренний!
Вышли на улицы всею Москвой.
Можно ли было еще целомудренней
По-деревенски встречать торжество!

9 мая 1945

КУРГАН

В стекле точнейшем нивелира
Курган повис верхушкой вниз.
И, землекопы-ювелиры,
Мы за раскопки принялись.

Удерживая нетерпенье,
Смутив вещей подземный сон,
Пласты считая, как ступени,
Сошли, как в погреб, в глубь времен.

Браслеты. Кольца. Нож железный.
Гранат, янтарь и сердолик.
И женский образ бестелесный
Из праха темного возник.

Не к нам, потомкам, снарядили
Ее в былые времена.
С дарами, что лежат в могиле,
К покойным предкам шла она.

Не к нам... Но радужные блики
Для нас играют в серебре,
Рассвет алеет в сердолике,
Закат желтеет в янтаре.

«Зачем вы из могилы тесной,
Из тьмы родимой старины
В ваш мир, чужой и неизвестный,
Меня позвали, колдуны?»

* * *

Девушка к нам подбежала одна.
— Все ли вернулись? — спросила она.
— Все! Успокойся! — И радостный смех.
Ей-то ведь нужен один изо всех.

1949

НЕСКОЛЬКО СТРОЧЕК
О ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Любовь до гробовой доски.
Что может быть красивей?
Но как не помереть с тоски,
Лишь доску видя в перспективе?

1949

ПИСЬМО ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ

Хозяин наш мастеровит, но груб.
Он топором коляску сделал сыну,
А у жены клещами вырвал зуб
И в след от зуба налил керосину.
Вчера машину попросил у нас,
А с ней меня — продать мешок пшеницы.
И узнавал я в предрассветный час
По запаху акации станицы.
Приехал первым. Продал кое-как.
Не торговался. Первому. И что же?
Пшеницы столько навезли в мешках, —
Представь себе. Я продал всех дороже.
Хозяин счастлив: «Хлопец-то! Хорош!»
Люби меня! С таким не пропадешь.

1949, 1971

* * *

И стукнет нам по семьдесят пять лет,
И оба мы когда-нибудь умрем.
И скажут люди: «А старушки нет,
Ушла она вослед за стариком».
Но скажут ли, что я недаром жил
И голос мой услышала страна?
Я столько раскопал чужих могил,
А собственная все-таки страшна.
Когда бы смерть не принимала мер,
Чтоб новое могло творить и жить,
Как всем успел бы надоесть Вольтер,
Уж о других не стоит говорить.
И все ж, не устарев, живет поэт,
Которого давно на свете нет.

1949

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ДНЕВНИКА

Контора. Почта. Магазин...
Оазис для первопроходца
У каракумского колодца.
И вдруг: «Вас много, я один!» —
Родимый голос раздаётся.
Жара, пески, куда ни кинь,
А он, злодей, и тут как дома.
И, покорители пустынь,
Сидим, покорно ждем приема.

1952

ЭКЗАМЕН

Роса и тающий туман,
И расставанье под часами,
А после — голову под кран
И без задержки на экзамен.

Чуть притушив сиянье глаз,
Таких восторженных, влюбленных,
Он начинает свой рассказ
Про наших предков отдаленных.

Теряясь от избытка чувств,
Он говорит про жизнь былую.
Его слова слетают с уст,
Хранящих свежесть поцелуя.

Для поздравленья на момент
Его задерживая руку,
Профессор думает: «Студент,
Что говорить, влюблен в науку!»

1954

СВЕРХБЛИЖНИЙ ПРИЦЕЛ

Литература опытной нянею
Использовалась в целях назидания:

«Жил-был на свете Петя-петушок.
Он вовремя просился на горшок.

Иван-царевич спать ложился рано.
Бери пример с царевича Ивана.

Вот на картинке дядя Геркулес.
Он в сахарницу пальцами не лез».

Когда подрос питомец этой няни,
Он сочинил немало всякой дряни.

1955

СНЕГОПАД

День настал. И вдруг стемнело.
Свет зажгли. Глядим в окно.
Снег ложится белый-белый...
Отчего же так темно?

1955

* * *

Всем очень интересно
У сына узнавать,

Где стол, где стул, где кресло,
Где лампа, где кровать.

И, времени не тратя,
Познанием увлечен,

То к лампе, то к кровати
Ручонки тянет он.

1955

СТАТУЯ ПОД ПОКРЫВАЛОМ

Подражание древним

Скульптор в волнение. Сейчас покрывало со статуи
сбросят.

Площадь народом полна. Люди открытия ждут.
Что ж волноваться? Твой труд утвержден и одобрен.
Он сквозь инстанции все благополучно прошел.

1956

СЛОЙ ПОЖАРА

Археологи, ликуя,
Открывают этот слой:
Храм, дворец и мастерскую
Между пеплом и золой,

Луки формы необычной,
Сабель ржавые клинки
И сохранности отличной
Человечьи костяки.

Слой набега, слой пожара —
Он таит предсмертный крик,
Ужас вражьего удара
И безумие владык.

Долгожданный суд потомков
Слишком поздно настает.
Перед нами среди обломков
Жизни прерванный полет.

1956

ХОДУЛИ

Несут меня ходули.
Кричат ребята: «Слазь!»
Боюсь, не упаду ли
С ходулей
Прямо в грязь.

И сразу позабудут,
Как важно я ходил.
Но долго помнить будут,
Куда я угодил.

1956

* * *

Октябрь. На первый снег зимы
Летел последний лист осенний.
Включив приемник, ждали мы
Не новостей, а откровений.

1956

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Дружно
Ударились
Рыбы
Об лед —
И на реке
Начался
Ледоход.

1957

ГЛИНЯНЫЕ БОГИ

Из глины сделаны божки.
Им от людей влетело.
Обломок тела без башки
Или башка без тела.

Видать, в один прекрасный день,
Не допросившись чуда,
Их били все, кому не лень,
Как бьют со зла посуду.

1957

ЧЕРЕПКИ

Виктору Бокову

Нет ничего прочней,
Чем битая посуда.
Что происходит с ней?
С ней происходит чудо.

Хрупка и коротка
И стоит слишком мало
Жизнь чашки и горшка
И звонкого бокала.

Зато у черепков,
Осколков и обломков
В запасе даль веков,
Признание потомков.

1958

ВРЕДНАЯ ПИЩА

Если будешь пить чуть свет
Молоко с ватрушкой,
Будешь ты и в двести лет
Бодрою старушкой.
— Убери скорее прочь
Молоко с ватрушкой!
Не хочу, — сказала дочь, —
Делаться старушкой!

1958

СКАЗКА

Корнею Чуковскому

Недаром дети любят сказку.
Ведь сказка тем и хороша,
Что в ней счастливую развязку
Уже предчувствует душа.
И на любые испытанья
Согласны храбрые сердца
В нетерпеливом ожиданье
Благополучного конца.

1959

БЛАГОПОЛУЧИЕ

Сошла земляника. Черника поспела.
В лесу чистота и уют.
А птицы чирикают только по делу,
Но песен, увы, не поют.

1960

КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ

Нам жалко дедушку Корнея.
В сравненье с нами он отстал,
Поскольку в детстве «Бармалея»
И «Мойдодыра» не читал,
Не восхищался «Телефоном»
И в «Тараканище» не вник.
Как вырос он таким ученым,
Не зная самых главных книг!

1962

**НАДПИСЬ НА СПРАВОЧНИКЕ
ТВОРЧЕСКОГО СОЮЗА**

Пухлый справочник Союза.
Телефоны. Адреса.
Хоть к кому-нибудь, о муза,
Загляни на полчаса!

1962

ВОКРУГ А. СИНЯВСКОГО
И Ю. ДАНИЭЛЯ

Поздно ночью КГБ
Не ко мне пришло. К тебе!
За тобой, а не за мной!
Слава партии родной!

1966

* * *

Другому ты привет передала,
Другое имя крикнула смущенно.
И словно вспыхнул свет из-за стекла
Готового отправиться вагона.

Негаданно-нежданно встречен мной
И не ко мне стремился в час прощальный
Полузабытый, но такой родной
Горячий взгляд любви первоначальной.

1966 – 1968

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСЕЛЫЕ НАУКИ»

Ботаника

Под забором у края степей
Сладко спал одинокий репей,
Спал и видел прекрасные сны,
Как он вцепится в чьи-то штаны,
В волчий хвост или в заячью грудь
И в далекий отправится путь.

Возрастная психология

Быть взрослым очень просто:
Ругайся, пей, кури,
А кто поменьше ростом,
Тех за уши дери!

Геометрия

Геометр отправился в Египет
Посмотреть на параллелепипед.
И представьте вы его обиду:
Он увидел только пирамиду.

Диагностика

Один укол стального жальца —
Анализ крови сделан мне.
Он, правда, высосан из пальца,
Но убедителен вполне.

Зоопсихология

«Собачья жизнь!» — сказала кошка.
И легче стало ей немножко.

Критика модернизма

Действительность — не бред собачий.
Она сложнее и богаче.

Педагогика

Что делать, чтоб младенец розовый
Не стал дубиной стоеросовой?

Пушкиноведение

Чего не знал великий Пушкин?
Не знал он ни одной частушки,
Не видел ни одной матрешки
В их лакированной одежке.
Березу символом Руси
Не звал он. Боже упаси!
Она не шла для этой роли,
Поскольку ей тогда пороли.

Этика

Соразмеряйте цель и средства,
Чтоб не дойти до людоедства.

КАРТИНКИ В ЛУЖАХ

В лужах картинки!
На первой — дом,
Как настоящий,
Только вверх дном.

Вторая картинка.
Небо над ней,
Как настоящее,
Даже синей.

Третья картинка.
Ветка на ней,
Как настоящая,
Но зеленой.

А на четвертой
Картинке
Я промочил
Ботинки.

1956

ЧИТАЛОЧКА

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай еще страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И почитать!

1962

ЗАЯЦ-БАРАБАНЩИК

За уши зайца
Несут к барабану.
Заяц ворчит:
— Барабанить не стану!
Нет настроения,
Нет обстановки,
Нет подготовки,
Не вижу морковки!

1966

ПЕТУШКИ

Петушки распетушились,
Но подражаться не решились.
Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.
Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться.

1966

ЧТО ВСЕГО МИЛЕЕ

Что всего милее
Для тебя, мальчишка?
В хлебе — горбушка,
В капусте — кочерыжка,
В варенье — пенка,
А в школе — переменка!

1967

ТРИ ПОБЕДЫ

1. Приятная весть

— Без четверти шесть! Без пятнадцати шесть!
Хотите услышать приятную весть?

— Так что же случилось без четверти шесть?
Какая такая приятная весть?

— А то, что я сам, понимаете, сам
Умею часы узнавать по часам!

— Ты прав. Так и есть, без пятнадцати шесть!
Спасибо тебе за приятную весть.

2. Где право, где лево

Стоял ученик на развилке дорог.
Где право, где лево, понять он не мог.
Но вдруг ученик в голове почесал
Той самой рукою, которой писал,
И мячик кидал, и страницы листал,
И ложку держал, и полы подметал.
«Победа!» — раздался ликующий крик.
Где право, где лево, узнал ученик.

3. Как я плавать научился

Спасибо тебе, крокодил надувной,
За то, что ты лопнул в воде подо мной!
Но вместо того, чтобы крикнуть: «Тону!»,
Я взял и руками ударил волну,
Раздвинул ее, и ногами забил,
И воду локтями толкнуть не забыл.
Победой беда обернулась моя.
Я выплыл. Я плаваю. Плаваю я!
Теперь крокодил, если он надувной,
Не может уже подшутить надо мной!

1967

* * *

Любили тебя без особых причин:
За то, что ты — внук,
За то, что ты — сын,
За то, что малыш,
За то, что растешь,
За то, что на маму и папу похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

1967

РОЖОК

От пастушеского рожка
И раската пастушьей плети
На окраине городка
Приподнимут ресницы дети.

Ранний-ранний блеснет рассвет,
И сомкнутся опять ресницы.
Но тебе через много лет
Это утро еще приснится.

И разбудит тебя рожком
Тот напев, что и в самом деле
С колыбели тебе знаком
И живет в тебе с колыбели.

1967

* * *

Сидел смущенно в обществе лжецов.
Молчал. Словечка вставить не пытался,
И не заметил сам в конце концов,
Как, не сказав ни слова, изолгался.

1968

ПАРАДОКСЫ ПОЭЗИИ

1.

«Писать вы стали мелко,
Поспешно, ловко, вяло.
Поделка за поделкой,
Безделка за безделкой.
К чему крутиться белкой?
Вам, видно, платят мало?
Не вижу в этом смысла, —
Вдохнул Чуковский. — Хватит.
Пишите бескорыстно, —
За это больше платят».

2.

Я давно их задумал, и нес сквозь года,
И мечтал наконец произнестъ.
Тех стихов мне теперь не сложить никогда.
Я их кончил. Они уже есть.

3.

Прочел твои стихи. Забыл их снова.
Я не злопамятный. Не помню я дурного.

1968, 1969

ПОБЕГ

Две пачки яичного порошка
Да двадцать четыре коротких стишка
Про детство, войну и весну.
Москва. Вот и я потянулся туда.
Там нового Пушкина ждали тогда.
Ну, значит, я тоже блесну.

Великое время. Поэты тогда
Всходили легко, за звездою звезда.
Уж кто-нибудь чудо свершит.
Пудовкин, мой друг, Эйзенштейну звоня, —
«Вот будущий Пушкин!» — сказал. Про меня?
И был я как током прошит.

Я бежал. И грачей я пугал в огороде,
На детдомовских сотках пахал и скородил,
Босиком из последних мальчишеских сил
Для сарая холодную глину месил.
А потом общежитья, раскопки в пустыне.
А стихов моих не было даже в помине,
Лишь туристские песни порой сочинял
Да грустил, вспоминая, как я начинал.

ПЕРВЫЙ КУРС

Что за странная окрошка?
Взлеты мысли и зубрежка,
Каблучков девичьих стук,
Спор и хохот до упаду,
Семинары, серенады —
Смесь гремучая детсада
С академией наук.

1968

* * *

Откопана старинная монета,
И горделивый царь глядит с портрета.
Вот надпись. Расшифруйте поскорей.
Как звать его? Все так же: «*Царь Царей*».
Ему б, наверно, показалось странным,
Что он пришел к потомству безымянным.

1968

ПОДТЕКСТ

В моих стихах подвоха не найдешь.
Подспудно умным и подспудно смелым
Быть не могу. Под правдой прятать ложь,
Под ложью — правду — непосильным делом
Считаю я. Пишу я, что хочу.
О чем хочу, о том и промолчу.
Ну а подтекст, в отличие от подвоха,
Стихам дает не автор, а эпоха.

1968

ЧЕЛОВЕЧЕК

Мальчишке четыре года.
Трещит, разгорается печка.
На внутренней стенке буфета
Рисует он человечка.

Как предок во тьме пещеры,
Колдует он днем с огнем.
Рисует он человечка,
А вырастет — вспомнит о нем.

Себе самому, великану,
Малыш послание шлет.
На древний наскальный рисунок
Похож человечек тот.

Я вырос. Приехал к маме.
Гляжу, предо мною он —
Загадочный этот образ
Ушедших во тьму времен.

1968

* * *

Прощались мы. И, дружбой дорожа
Девчонки, притулившейся в сторонке,
Ушастого пустынного ежа
Я подарить решил твоей сестренке.
Решил. Забыл. Прошли года. И всё ж
Он колется, проклятый этот ёж.

1968

* * *

Отец мой не свистел совсем,
Совсем не напевал.
Не то что я, не то что я,
Когда я с ним бывал.

Не в полный голос, просто так,
Не пел он ничего.
Все говорят, что голос был
У папы моего.

Певцом не стал. Учил детей.
В трех войнах воевал.
Он пел для мамы, для гостей.
Нет, он не напевал.

А что мы просто так поем —
Та-ра да ти-ри-ри, —
Наверное, звучало в нем,
Но где-то там, внутри.

Недаром у него была
Походка так легка,
Как будто музыка звала
Его издалека.

ПРАБАБКА

Прабабку-лишенку, прабабку-дворянку
Всегда я проведать спешил спозаранку.
За что ж от меня-то помещице честь?
Прабабка! Она не у всякого есть.
«Прабабушка, здравствуй!» —
«Пришел, непослушник.
На́ пряничек, скушай. Возьми-ка наушник.
Опять Ковалева. Пой, милочка, мой!
Ах, радио! Клад для старушки слепой!
Ну, хватит. Газета — рассадник культуры.
Давай-ка рассказывай карикатуры.
Кружок на глазу? Ах, монокль! Ну и ну!
В цилиндре да с бомбой? Подай, мол, войну!»
О, как потешалась она над Брианом,
Над Черчиллем, Гувером, Чжан Сюэ-ляном,
Как фыркала, губы ладошкой зажав,
Над мелкою спесью великих держав.
Шутила, кутила, катила в карете.
Смеясь и шутя, задержалась на свете.
Десятый десяток!..
Старушек толпа
Да конусом желтая риза попа.
Тут не было слышно «Вы жертвою пали».
По древнему чину ее отпевали.

КОСТИК

А. Г. Берестову

Кто помнит о Костике,
Нашем двоюродном брате,
О брате-солдате,
О нашей давнишней утрате.

Окончил он школу
И сразу погиб на войне.
Тебе он припомнился,
Мне он приснился во сне.

В семейных альбомах
Живет он на карточке старой,
Играть не играл он,
Но снят почему-то с гитарой.

И что-то важнее,
Чем просто печаль и родство,
Связало всех нас,
Кто еще не забыл про него.

1968

* * *

Старуха белье полоскала.
Вальком колотила она.
И в берег мой шумно плескала,
Весь пруд обнимая, волна.

Качалась икра лягушачья,
Качались жуки-плавунцы,
И малый кораблик ребячий
Качнулся и отдал концы.

Играли в волне осоки
Своей отраженной листвою...
Сто метров над уровнем моря
И тысячи верст до него.

1968

ФАНТИКИ

Собирать я начал в восемь лет
Фантики — обертки от конфет.
Полюбил я пестрые картинки
И копил их, бережно храня.
И впервые поважней начинки
Сделались обертки для меня.

Но богатства подлежат обмену,
А не то они теряют цену.
Споры, уговоры, как на рынке:
— Что глядишь? Меняйся! То на то!
И важней начинки и картинки
Оказалось сам не знаю что.

1968

ВОЕННАЯ ИГРА

Итак, я пал в сраженье. Я убит.
Одно мгновенье армия скорбит,
И без меня в атаку мчатся кони.
Я — посторонний.
Я — потусторонний.
Подумать только, боевой приказ —
И тот не властен надо мной сейчас.
И, на меня не покосившись даже,
Ползет у ног моих разведчик вражий,
Скользит змеей бесшумно, не дыша.
Я — тень. Я — отлетевшая душа.
Как все же нелегко душе героя
Таинственно парить над полем боя!

1968

* * *

Да я же, как мальчишка, улыбаюсь
И, как подарок, вашу мысль приму,
Услышав: «Если я не ошибаюсь»,
«Быть может» иль «По мнению моему».
Вы скажете: оттенок, чушь, пустяк...
Как знать, как знать. Возможно, что и так.

1968

ПРЯТКИ

Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и сад.
Двор пустой. И никого в саду.
Как же я товарищей найду?
Никого... А все же кто-то есть.
Пусто... Но они должны быть здесь.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать!

Я от глаз ладони оторву.
Эй, ребята! Кто упал в траву?
Кто в сарае? Кто за тем углом?
Кто там за березовым стволом?
...Я не верю в опустевший двор.
Я играю с вами до сих пор.

1969

СКАМЬЯ НАД РЕКОЙ

Поцеловала. Села. Он садится.
Глядят, не видя, в сторону мою.
Для них, больших, я что-то вроде птицы,
Нечаянно присевшей на скамью.

По радио сказали: лед с верховья
Уже идет. Я ледохода жду.
И что мне эти двое с их любовью!
Не стыдно, так целуйтесь на виду.

А по́ льду вешки всё еще маячат,
Блестят следы полозьев и колес.
И страшно мне, что на скамейке плачут
Он и она. И не боятся слез.

1969

* * *

Руки твоей прикосновеенья —
И стала радостью беда.
«Неповторимое мгновеенья!» —
Успел подумать я тогда,

Но знал, что будет вспоминаться
Неповторимый этот миг
И повторяться, повторяться
В воспоминаниях моих.

1969

* * *

Полна, как в детстве, каждая минута,
Часы опять текут неторопливо
И сердце переполнено твоё.
Любовь — замена детству. Потому-то
Насмешливо, презрительно, ревниво,
Пугливо смотрит детство на неё.

1969

ГОРОДОК

О перекресток детства! В мир безбрежный,
В его простор, желанный, неизбежный,
На юг, на север, запад и восток
Идут дома... Мой санный и тележный,
Мой летом травяной, зимою снежный,
Мой деревянный, с виду безмятежный,
Садово-огородный городок.

1969

КУПАНИЕ

Схватили, разули,
Раздели тебя без стыда.
Ты брошен в корыто,
На темечко льется вода.

Ты все принимаешь,
От мыла глазенки зажмуря,
И мамины руки
Играют тобою, как буря.

О ужас и счастье
Таинственных этих минут,
Когда тебя в воду бросают,
И треплют, и мнут,

А ты, хоть не знаешь
Причины и смысла событий,
Но веришь в добро,
Бултыхаясь в гремящем корыте.

1969

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Натягиваю новую матроску,
И поправляет бабушка прическу,
На папе брюки новые в полоску,
На маме ненадеванный жакет,
Братишка в настроении отличном,
Румян и пахнет мылом земляничным
И ждет за послушание конфет.
Торжественно выносим стулья в сад,
Фотограф наставляет аппарат.
Смех на устах. Волнение в груди.
Молчок. Щелчок. И праздник позади.

1969

КУДРИ

Итак, беру я ножницы,
Гребенку и халат.
Сидит, как в парикмахерской,
Мой пятилетний брат.

И просит он все локоны
Остричь до одного,
Чтоб женщины в покое
Оставили его.

1969

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Маленький, иду по городку.
Пятками босыми пыль толку.
Я великой страстью обуян:
Я люблю трудящихся всех стран
И хочу, чтоб мир об этом знал,
И пою «Интернационал».

Вот сейчас бы встретить иностранца:
Итальянца, немца иль испанца,
Сжать бы руку правую в кулак
И над головой поднять вот так,
И сказать: «Рот фронт!» или «Салют!»
И они поймут меня... Поймут!

1969

БИЛЕТ МЕТРО

Что гильзы, фантики и марки,
Значки и прочее добро,
Что все московские подарки!
Билет метро! Билет метро!

Какой подарок мне достался!
По травке мчусь во весь опор.
«Мой папа на метро катался!» —
Кричу, влетая в каждый двор.

И этот маленький билетик
С большой прекрасной буквой «М»,
Не говоря уже о детях,
Был нужен абсолютно всем.

Он так завладевал сердцами,
Как будто здесь, у старых стен,
Мерцал подземными дворцами
Московский метрополитен.

1969

ЯРМАРКА

Ах, ярмарка! Ряды телег
На вытоптанной травке.
Мороженого сладкий снег.
Палатки и прилавки.

Манящий писк «уйди-уйди».
Возы. Весы. Веселье.
Снимайся! В дудочку дуди!
Кати на карусели!

Простор в круженье том живом
Гаданьям, слухам, толкам.
Была торговля торжеством,
Мешался торг с восторгом.

Пел под кувалдою металл.
Стучал кузнец, как дятел.
Я больше всех приобретал,
Хотя всех меньше тратил.

1969

БОЛЬНИЧНЫЙ ДВОР

За беленым забором больницы
Георгины и розы цвели,
Распевали веселые птицы
И жужжали большие шмели.

С мокрой клумбы, как запах лекарства,
Разносился цветов аромат.
И хозяин волшебного царства,
Брел больной, запахнувши халат.

И мечтал я вот так же одеться,
В сад явиться, пройти по нему.
Человек не завидует в детстве
Разве только себе самому.

1969

* * *

Проснувшись, подхожу к окну:
Отец уходит на войну!
Раз-два! Винтовка за спиной.
Уходит, не простясь со мной.
Еще не явь. Уже не сон.
Отец ушел на полигон,
Держа под мышкою мишень,
В тот мирный, довоенный день.

1969

ПИЛОТЫ

Смеется летчик в шлеме
С газетного листа.
Вот это было время!
Вот это высота!

Счастливые пилоты,
Герои детских лет.
Рекорды. Перелеты.
Простых полетов нет.

1969

ОТЕЦ НА РЫБАЛКЕ

Гибкая палка.
Московская снасть.
Это рыбалка,
Отцовская страсть.

Сердца блаженный,
Сладостный стук.
Чуткой антенной
Замер бамбук.

Смертная скука
Со стороны.
Сладкая мука
У края волны.

Тяжесть грузила.
Игра поплавка.
Тяготы все уносила
Река.

1969

ТЮРЯ

Мама ходит, брови хмуря,
Громко шепчет, учит роль.
Значит, нынче будет тюря:
Лук да масло, хлеб да соль.

Пол не мыт. Цветок не полит.
Под плитой огонь погас.
И никто детей не школит,
Не воспитывает нас.

Артистической натуре
В день спектакля дела нет
До забот житейских. Тюря —
Вот наш праздничный обед.

Разбиваются стаканы,
Отбиваются от рук.
В миску воду льем из крана,
Хлеб крошим и режем лук.

А в глазах у мамы буря,
А в движеньях торжество.
Ну и тюря! Вот так тюря!
Нет вкуснее ничего!

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Хватило мальчишеских сил.
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корыто. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

1969

* * *

Ах, сколько звезд зимой, в ночи морозной,
Открыто детям! И еще не поздно.
Еще не скоро скажут: «Спать пора!»
И только начинается игра.

Совсем иначе светят звезды летом.
Для малышей те звезды под запретом.
До времени они утаены.
Их видит юность. Детство видит сны.

1969

НАД СТАРОЙ АНТОЛОГИЕЙ

Е. Я. Хазину

Мировая поэзия слишком грустна.
Хор поэтов, в отличие от птичьего хора,
Даже если рассвет, даже если весна,
Про былые невзгоды забудет не скоро.

Как и птицы, поэты поют о любви,
Но всё больше о боли, изменах, разлуке.
Правда, есть у поэтов свои соловьи,
У которых сладки даже горькие звуки.

1969

ПОД ПЕСНЮ МОТОРА

Говори, пассажир. Говори что-нибудь.
Говори, даже если тебе неохота.
Говори, чтобы мне за рулем не уснуть,
Не свалиться в кювет, не пройти поворота.

Точно так же летят на тебя фонари,
Та же песня мотора в ночи беспредельной.
Говори, пассажир, все, что хочешь, соври,
Чтоб не верить смертельной его колыбельной.

1970

ИСКУШЕНИЕ

К братишке на базаре цыганка подошла,
По волосам кудрявым рукою провела:
«Пойдешь ли, кучерявенький, в мой табор кочевой?»
А мне и не сказала цыганка ничего.
А мне бы стук телеги, тугой палатки кров,
Дороги без дороги, ночлеги у костров.
Гадалка недогадлива, наверное, была
И главного бродягу с собой не позвала.
А может, догадалась, но звать не стала в путь:
«Побудь еще с братишкой и с матерью побудь!»

1970

САМОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ

Бывало, самолет летит —
Весь город на́ небо глядит.
Все ищут хвост и два крыла,
Оставив прочие дела.
Но как-то раз, но как-то раз
Не пролетел он мимо нас
И сел на ярмарочный луг,
И все уже стоят вокруг.
И строгий летчик виден всем:
Перчатки, кожанка и шлем.
С носилок свесилась рука,
Несут больного старика.
Нет-нет, теперь он не умрет:
За ним прислали самолет.

1970

ТРИ КОПЕЙКИ

Три копейки несу в кулаке,
Связан честным мальчишеским словом,
Продавщице в пуховом платке,
Продавщице в ларьке продуктовым.
Что случится, не знаю и сам,
Но ужасное что-то случится,
Если я не отдам,
Если я не отдам
Этот тягостный долг продавщице.

1970

ВЕСТОВОЙ

В полку Таращанском когда-то
Комбатом служил моей отец.
Однажды, году в тридцать пятом,
Комбата проведал боец.

Перед четвертнойю бутылью
И сахарною головой
Сидели, и пели, и пили
Комбат и его вестовой.

Тут мне бы забиться за печку,
Забраться под стол, под кровать,
Запомнить бы все до словечка
И внукам потом рассказать.

Что помню я? Говор крестьянский,
Махорочный дым и вино...
На фильм о войне о гражданской
Сбежал я в тот вечер в кино.

1970

ТУРНИКИ

Всюду были турники:
Во дворах и на опушках,
В поле, в школе, у реки,
В городах и в деревушках.

И на этих турниках,
Меж столбов, полны веселья, —
Перекладина в руках, —
Физкультурники висели.

Добродушны и скромны,
Напрягались и взлетали.
«Это важно для страны!» —
Мы в глазах у них читали.

1970

РАННЯЯ СЛАВА

«Поэт! Поэт!» — кричали вслед.
Поэту было мало лет.
Он не мечтал о славе.
Мечтал он о расправе
Со всеми, кто поэту вслед
Кричал: «Поэт! Поэт! Поэт!»

1970

* * *

А думал я, с детством прощаясь,
Что нет возвращенья туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.
Иду к незабытому дому.
К друзьям незабытым бегу.
Но только в том мире любому
Судьбу предсказать я могу.

1970

* * *

Сияют манящие дали...
Там детство. Прекрасно оно.
А помнишь? Конфету не дали,
Опять не пустили в кино.

Все било, стрекалось, колело,
Влетало соринками в глаз.
И трудолюбивые пчелы
Безжалостно жалили нас.

И розы, прекрасные розы,
В мальчишек вонзали шипы.
Бодались соседские козы.
Воняли лесные клопы.

1971

* * *

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

Не откликнется, не повернется,
Не подымет с ладоней лица
И очнется, как только дождется
За окошком улыбки отца.

И подтянет у ходиков гири,
И рванется навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.

1971

БАБУШКА КАТЯ

Вижу, бабушка Катя
Стоит у кровати.
Из деревни приехала
Бабушка Катя.

Маме узел с гостинцем
Она подает.
Мне тихонько
Сушеную грушу сует.

Приказала отцу моему,
Как ребенку:
«Ты уж, деточка,
Сам распряги лошаденку».

И с почтеньем спросила,
Склонясь надо мной:
«Не желаешь ли сказочку,
Батюшка мой?»

1971

БАБА САША

Фея ласковая наша!
Дуги гордые бровей.
Называл я «баба Саша»
Маму матери моей.

В городке ходили толки
О былых грехах твоих,
И с усердьем богомолки
Ты замаливала их.

В черной шали, в платье строгом,
За себя прося, за нас,
На колени перед Богом
Опускалась много раз.

Замирающие спицы.
Синий взгляд из-под платка...
Я ж водил по половице
Дутых пуговиц войска.

Я с Буденным бил кадетов,
Интервентов, юнкеров.
Клич «Ура!», «За власть Советов!»
Сотрясал твой тихий кров.

1971

УДИВЛЕНИЕ

Без удивленья холодно уму.
Оно его живит и утепляет,
Пусть даже удивишься ты тому,
Что ничего тебя не удивляет.

1971

ЕСЛИ ВЕРИТЬ ПУШКИНУ

Важен опыт невеселый.
Но, быть может, прав поэт:
Горе — жизненная школа,
Счастье — университет.

1971

* * *

Итак, библиотека, картотека,
Наброски, сноски, выписки, мечты.
И вдруг ты набредешь на человека,
Который занят тем же, что и ты.

Откуда он? Как мог он породниться
С мечтой неясной, с замыслом твоим?
И кажется, что светится страница,
В прекрасный час написанная им.

И радуешься ты ему как брату,
А если он уже землю взят,
Ты ощутишь как свежую утрату
То, что случилось, может, век назад.

1972

* * *

Век двадцать первый... Ну, еще подъем —
И вот он — он! Так доживем, придем!
Пусть в двадцать первом веке будут здоровы
Не только те, кто нынче варит травы.
Пусть, хоть с одышкой, доберется тот,
Кто курит или кто покамест пьет.
Тем, кто бежит трусцою, дай бог ноги.
Я б также не хотел, чтоб наши йоги
Без пользы для народа и семьи
Остались в позе льва или змеи.
О нет, пусть взоры новых поколений
Оценят гибкость их телодвижений...
И я пойду туда дорожкой строк
И потрублю немножко в свой рожок.

1972

* * *

Гляжу с высоты
На обиду.
Теряю обиду
Из виду.

1972

* * *

Это чудо жизни,
Этот нежный взгляд
Встретил я впервые
Много лет назад.

Встретил на уроке
В пятом классе «А»
И решил: «Стрельцова
Спятила с ума!»

1972

ГОЛОЛЕДИЦА

Не идетя и не едетя,
Потому что гололедица
Но зато
Отлично падаетя!
Почему ж никто
Не радуется?!

ДРАКОН

В дверь диетической столовой
Вошел дракон семиголовый.
Он хором «Здравствуйте!» сказал
И, улыбаясь, заказал:
— Для этой головы,
Пожалуйста, халвы.
Для этой пасти —
Прочие сласти.
Для этой головки —
Перловки.
Для этой глотки —
Селедки.
Для этой башки —
Пирожки.
Для этой рожки —
То же.
Для этого личика —
Два сдобных куличика.
Что еще? Лимонада бутылку,
Семь салфеток, ножик и вилку.

ШАПКА

- Шапка, шапка, где была?
— Я была в кино.
— Что ж ты, шапка, видела?
— Было так темно...
Задремала я нечаянно
На коленях у хозяина.
— Шапка, шапка, где была?
— В цирке шапито.
— Что ж ты в цирке видела?
— Шапки да пальто,
Номерки, зонты и палки —
Все, что было в раздевалке!

* * *

О чем поют воробушки
В последний день зимы?
— Мы выжили, мы дожили,
Мы живы, живы мы!

1971

* * *

Под столбом лежит ледышка.
У ледышки передышка.
Подойду к столбу и там
Вновь ледышку наподдам.
И она вперед умчится.
Это я иду учиться.

* * *

И кого-то опять хороня,
Чтобы все горевало окрест,
Словно гром среди ясного дня,
Грянул в медные трубы оркестр.

Окна наглухо. Дверь на засов.
Не поможет — забьюсь под кровать,
Потому что печальных концов
Я еще не хочу признавать.

1972

ГОЛОС В ХОРЕ

У солистки платье в блестках,
Круглый рот, блестящий взор.
А за нею на подмостках
В три ряда — гремящий хор.

Что мне до ее убора?
Что мне до ее лица?
Мне слышался из хора
Голос моего отца.

Пел отец в таком же хоре,
Но в другие времена...
Голос в хоре.
Капля в море.
Или, может быть, волна.

1973

* * *

Все жду, когда на улицу отпустят,
Кручусь, верчусь у взрослых под ногами.
И наконец не просто отпускают,
А выгоняют из дому меня.
Беда! Мороз весну остановил!
Лопаткой лед ломаю. Каблуком
Бужу ручьи, освобождаю лужи,
Да так, что брызги ржавые летят.
И, весь в грязи, промокший и голодный,
Иду домой. Стою в углу, как веник.

1973

* * *

Помнишь звуки немого кино?
Аппарат так уютно стрекочет.
Зритель ахает. Зритель хохочет.
Зритель, титры читая, бормочет.
Он с актером сейчас заодно.
И грохочет во тьме фортепьяно,
Помогая героям экрана
В мире светлом, хотя и глухом,
Целоваться и мчаться верхом.
Но в разгаре событий бывало темно.
И — «Сапожник!» — орало немое кино.

1973

* * *

Нет годовщин у ледохода.
Не знают именин ручьи.
Рожденьем чествует природа
Рожденья прежние свои.

1974

* * *

Уж если со мной он не дружит,
Тогда отпустил бы домой.
Как вышло, что лес меня кружит,
Ведь я-то хожу по прямой.

Эх, выйти б сейчас на опушку,
Услышать бы трактора стук.
Но вертит меня, как игрушку,
Несметное множество рук.

Прости меня, лес, и не мучай
За то, что я сбился с пути.
Большой. Незнакомый. Дремучий
Поймал. Поиграл. Отпусти!

1974

СНЕЖНАЯ ГОРКА

Ухожу. Ух, какая досада!
На прощание слух различит
В зимних сумерках плеск водопада.
Это снежная горка звучит.
Развеселое разноголосье.
И визжат на морозе полозья,
Кто-то в горку влезает ползком,
Кто-то с горки летит кувырком.

До чего же там весело было!
Влезть повыше — всего и забот.
И за это нам горка дарила
Вдохновенье, восторг и полет.
Вдохновенье особого свойства —
Превращение страха в геройство.
А про то, как карабкался ты,
Забываешь, летя с высоты.

Это в детстве всего откровенней,
Без прикрас и возвышенных фраз,
Твой огонь, человеческий гений,
Зажигается в каждом из нас.
По древнейшей программе внешкольной,
Обязательной, но добровольной,
Под счастливые крики и смех
Горка учит решительно всех.

Значит, каждый хоть в детскую пору
За мгновенье полета готов,
Задыхаясь, карабкаться в гору,
Не жалея ни сил, ни трудов.
Значит, можно не раз от подножия
Подниматься с привычною ношею.
Значит, крыльями станет потом
То, что кажется нынче крестом...

Санки к стенке. Сажусь за уроки.
Светит лампа моя на столе.
А горящие руки и щеки
Остывают в домашнем тепле.

1974, 1978

ТРИ ШКОЛЬНЫХ ВОЗРАСТА

Младший

При встречах мы здоровались не часто.
Ребячий мир на взрослый не похож.
«Что я нашел!» — звучало вместо «Здравствуй!»
«Пойдем на речку?» — вместо «Как живешь?»

Средний

Он добр, хотя суров на вид.
Он ученик шестого класса.
На третьеклассника глядит
Он как Маклай на папуаса.

Старший

Все та же школа. Только стены стали тесными
Да за окошком уравнение с неизвестными,
Где Икс — куда ты после школы денешься,
А Игрек — та, на ком ты женишься.

1974–1976

* * *

Он руку над партою тянет и тянет.
Неужто никто на него и не взглянет?
Не нужно отметок в журнал и в дневник.
Довольно того, что он в тайну проник,
Что чудо свершилось, задача решилась...
Спросите, пожалуйста! Сделайте милость!

1974

* * *

Просыпаюсь еще в темноте.
Слышу, чайник шумит на плите.
Вижу, пляшет огонь на стене,
Плачет льдистый узор на окне.
Значит, скоро и в школу пора.
В кухне звякнула дужка ведра.
«Мама, доброе утро!» И свет
Зажигается мне в ответ.

1974

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Мы жили в то время в нейтральной стране
И не принимали участия в войне,
И слушали сводки,
Как чьи-то подлодки
Всплывали со дна, задыхались на дне.

1974

ВЕЛИКАН

Я в детстве дружил с великаном.
Нам весело было одним.
Он брел по лесам и полянам,
Я мчался вприпрыжку за ним.

А был он заправским мужчиной,
С сознанием собственных сил.
И ножик вертел перочинный,
И длинные брюки носил.

Ходили мы вместе все лето.
Никто меня тронуть не смел.
А я великану за это
Все песни отцовские спел.

О мой благородный и гордый
Заступник, гигант и герой!
В то время ты кончил четвертый,
А я перешел во второй.

Сравниются ростом ребята
И станут дружить наравне.
Я вырос. Я кончил девятый,
Когда ты погиб на войне.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Я «Три пальмы» твои, честолюбьем боля,
Все твердил и на школьном дворе и в саду.
Я мечтал, что на конкурсе всех одолею,
И прочту их в Москве на твоём юбилее,
И поеду в «Артек» в сорок первом году.

Юбилей приближался, как праздник народный.
И меня обучал педагог превосходный,
Театрал, почитаемый в нашей семье,
Что по-разному скажется слово «холодный»,
Если дело о пепле идет иль ручье.

В те года, не берусь говорить о причинах,
Почему-то у нас годовщины смертей
Отмечали щедрей. И во время поминок
Все звучало живее, чем на именинах.
Праздник твой был столетием смерти твоей.

Красовались в гусарских мундирах портреты,
И все чаще тебя поминали газеты.
Шел тираж к юбилею написанных книг.
Но, предчувствуя что-то, писали поэты
Про тебя, а взглядишь — про себя же самих.

И гусаром глядел ты, а не юбиляром
На подростков, читавших с почтеньем и жаром
Строки тех же «Трех пальм» или «Бородина».
И как некогда жизнь твоя, резким ударом
Был оборван твой праздник. Настала война.

ПОДРОСТКИ

Легла на перекрестке
Таинственная грань.
Подросткам шлют подростки
Воинственную брань.

Один пройди попробуй
Через чужой квартал,
Чтобы тебе со злобой
Никто не наподдал.

Но вот идешь ты в тесной
Гурьбе своих ребят,
И все равно — словесно,
А все же оскорбят.

Откуда страсти эти?
Из тьмы каких столетий
Все вьется, вьется нить?
Монтекки, Капулетти!
Пожалуйста, ответьте!
Не могут объяснить.

Они! Мороз по коже.
Сражайся! Нет, беги!
Во всем на нас похожи.
А все-таки враги.

* * *

Идя из школы после третьей смены,
Увидел старика на тротуаре.
Лежал он в окружении толпы
И умирал. От голода, наверно.
Кусок лепешки среднеазиатской
Ему узбечка старая в ладонь
Вложила. Сжал он пальцами лепешку,
Но поднести ко рту уже не мог.
«Отец, дождись врача! За ним послали.
Дождись, не умирай, тебя спасут!
Родные где? Где дом? Скажи свой адрес!»
По знакам слабым и по бормотанью
Мы поняли тогда, что, кроме нас,
Нет никого на свете и в Ташкенте,
Куда его забросила война,
Нет никого, кто мог бы с ним проститься.
И значит, мы — сейчас его семья.
Он эту мысль тускнеющим сознанием
Успел прочесть в мальчишеских глазах
И пожелал меня поцеловать,
Не к хлебу, а ко мне он потянулся
И умер. Это было первой смертью,
Которую в глаза увидел я.
Об этом в тот же день я сделал запись
Своим тогдашним почерком мельчайшим,
Каким для экономии бумаги
Писать я приучился в дни войны.

Об этом же я сочинил стихи
Своим тогдашним слогом старомодным,
Торжественным, не в меру благозвучным,
Стихи, где рифмовались небо с хлебом,
А смертный час с посмертным блеском глаз.
Стихи в том давнем времени остались,
А запись я адресовал потомству.
И, как ни странно, этот страшный случай,
Предав бумаге, предал я забвенью.
Иначе бы войны не пережить.

1975

ШКОЛА, 1942-й

Тут быть бы живу. Не до жиру.
Везде беда встречала нас.
Но в дни войны был остров мира —
Битком набитый школьный класс.

Урок тянулся монотонно,
И в моде были, как всегда,
Периклов шлем, парик Ньютона
И Льва Толстого борода.

1975

* * *

Идет прогулочный баркас
Вдоль голубого мыса.
Семь чаек выются за кормой
И две над головой.
А с берега глядят на нас
Дворцы и кипарисы.
А с горизонта мчится вал
К черте береговой.

Одни забыли об игре,
Другие — о потерях.
На взрослых лицах — озорство,
На детских лицах — грусть.
Все дети на море глядят,
Все взрослые — на берег.
А я на лица тех и тех
Гляжу — не наляжусь!

1976

ДРАКОНІЛ

Страшно вспомнить, на что он меня подбивал!
Как, бывало, меня и смешил и дразнил он.
И «Мурзилку» «Зумрилкою» он называл,
И журнал «Крокодил» величал «Драконилом».

«Тот буржуй, кто в кино покупает билет!»
Два билета он тушью подделал блестяще.
Я был изгнан. А он и не глянул мне вслед,
Вынув вместо подделки билет настоящий.

Он к теплицам меня заманил за село,
К ослепительно красным большим помидорам.
Соблазнься я, разбей на теплице стекло,
Вот уж он бы моим наслаждался позором.

Будь мы взрослыми, я бы ему не простил,
Я навеки порвал бы с таким негодяем.
В детстве все по-другому. Поймал. Отлупил.
И опять как ни в чем не бывало играем.

1976

КАЛУГА. ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

В роще строится завод.
Громыкает стройплощадка.
Вдоль по Герцена ведет
Желтый выводок хохлатка.

По столбу ползет монтер,
Рыцарь в латаной одежке.
На ногах подобьем шпор
Лихо загнутые кошки.

В синем сладостном чаду
Мимо нас машина мчится.
Шесть мальчишек на ходу
Успевают прицепиться!

«Покупай духи ТЭЖЭ!
Соя — 104 блюда!»
Нет извозчиков уже.
Нет автобуса покуда.

Меж булыжников трава.
И подвязаны, как плети,
К свежим кольям дерева
Двадцать первого столетья.

А еще бывает так:
Приглядеться, наклониться,
И в руке твоей пятак
С вензелем императрицы.

НА ЯЗЫКЕ ТЕХ ЛЕТ

Был праздник под названием МЮД,
И в МОПР вступал рабочий люд.
Отец мой дважды в шестидневку
В Народный дом ходил на спевку.
Лишь незадолго до войны
Недели были введены.
Спорт звали только физкультурой,
Любую ткань — мануфактурой.
Мне горло кутали кашне.
С зажимом галстук был на мне.
А на зажиме пять поленьев
И пламени пять языков —
Эмблема пионерских звеньев,
Пожар пяти материков.
В копилки клали мы монетки
Для новостроек пятилетки.
Друзьям на языке тех лет
Мы слали пламенный привет.
А недостатки мы вскрывали
И постепенно изживали.
И жизнь отдать за счастье масс
Мечтали лучшие из нас.

1976

* * *

А была это встреча из встреч!
Перед детским сеансом в буфете
Слышу вдруг иностранную речь,
Обернулся: испанские дети!
Наша общая быль. Наша боль.
Первый дым мирового пожара.
Теруэль и Пуэрто-дель-Соль.
Мансанарес и Гвадалахара.
Бились мы из-за тех крепостей,
Воскресали и вновь умирали.
Только мы не в испанских детей,
А во взрослых испанцев играли.

1976

АКТИВИСТ

Вот жизнь! Куда ни заявись,
И сразу видно: активист!
Бывало, в лагерь попадешь,
Со всеми встанешь в ряд.
День-два, и ты уже ведешь
Свой пионеротряд.

«Отряд построен! Рапорт сдан!» —
Звенело как металл.
И красный флаг под барабан,
Вдоль мачты пролетал.

Чужая школа. Новый класс.
День-два — и я открыт.
«Он будет старостой у нас!» —
Учитель говорит.

И государственные сны
В то время снились мне.
Я дважды видел до войны
Калинина во сне.

1976

РАЗМОЛВКА

Не спорить бы мне с ним, не убеждать,
А утешать иль молча сострадать.
Я дал ему разумнейший совет.
Я прав. И только дружбы больше нет.

1976

* * *

Любовь начиналась обманом сплошным.
Бежал я из школы двором проходным.

И вновь на углу появлялся, краснея,
Чтоб как бы нечаянно встретиться с нею.

И все понимая, чуть-чуть смущена,
Моим объяснениям внимала она:

Мол, с кем-то из здешних мне встретиться надо.
О белый беретик во мгле снегопада!

И снова дворами я мчался сквозь мглу,
И ей попадался на каждом углу,

И, встретившись, снова навстречу бежал...
Вот так я впервые ее провожал.

1977

* * *

Долго мечтал я об этом дне.
Дождался! Сбылись мечты!
С тобой мы впервые наедине:
В классе дежуришь ты.
Школьный двор за окном шумел,
Носились ученики.
Мокрая тряпка и новый мел
На бортике классной доски.

* * *

Я тайну ему поведал.
В ответ я услышал смех.
Пришлось, чтобы он не предал,
Макнуть его носом в снег.
В школе огнями цветными
Сияет спортивный зал.
Назвал он другое имя
И тайну свою рассказал.
Под звездами в синем сугробе
Сидим мы к плечу плечом.
В спортзале танцуют обе,
Не ведая ни о чем.

1977

* * *

Из дерева вырезал ловко
Приклад, затвор и курок.
Вылил на эту винтовку
Лиловых чернил пузырек.
Лиловой винтовкой, не скрою,
Я сам восхитился всерьез
И перед военной игрою
Винтовку тебе преподнес.
Винтовка лиловой окраски.
Цветы на замерзшем окне.
При всех к командирской повязке
Звезду пришивала ты мне.
Жаль, помешала погода
Сраженье в бору провести.
Февраль сорок первого года.
Метель замедляет пути.

1977

* * *

Над нами снимал верхотуру
Художник. Два года подряд
Искал он типаж и натуру,
Писал физкультурный парад.

С короткою стрижкой девица.
Румяный тяжелоатлет.
А самые главные лица
Он попросту брал из газет.

И в белой фуражечке Сталин
На марш тренированных тел,
Задумчив и в меру сусален,
С отеческой лаской глядел.

Писавший картину такую
Был с виду невзрачен и хвор
И крался к себе в мастерскую,
Как сыщик, любовник и вор.

1977

* * *

Мама! Раскрылись твои маттиолы.
Все их увидели в день похорон.
Запах такой, что слетелись бы пчелы —
Город не город — на этот веселый,
Лаской твоею согретый балкон.

1977

КЕСАРЬ

Живу в Калуге, словно князь в изгнание.
И, выйдя за калитку, все гляжу
Туда, где за пятью хребтами бора,
Зеленым, голубым и темно-синим,
Сиреневым и дымчатым чуть видимым,
Осталась без меня моя дружина...
А здесь мне дали прозвище Косой.
За то ль, что близорук и вечно шурюю,
А может быть, за то, что слишком часто
Нет-нет да и косился я туда,
Где без меня живет моя дружина.
Жизнь в городе — мучение сплошное,
Когда ты возле кладбища живешь.
У нас в селе почти не умирали.
Здесь что ни день покойника несут.
Зимой двойные стекла выручают,
Сквозь них не слышно похоронных маршей
А летом хоть беги. И я бежал
Один или с Вадимовой ватагой
И с нашею дворовой собачонкой,
Единственной подданной моей,
Купаться... Нет, не на Оку. Туда
Нас через центр родители водили.
В сандаликах мы шли, в носочках белых,
Как будто не к реке, а к строгой тете.
На Яченку! К ней можно босиком.
Она — свой брат. Она, как собачонка,
Знай лижет травянистый бережок.

Зато у малой Яченки долина
Огромна, как мечта. Здесь Циолковский
Поверх пяти хребтов большого бора
Прокладывал маршрут Калуга — Марс.
Не стал я предводителем дружины,
Но сделался сказителем дружинным.
О призраки, пираты, колдуны!
Спасибо вам за то, что вы от больших,
От тайных страхов нас освобождали.
Все говорят: «Ах, сладкий детский сон!»
Но детский сон таким бывает страшным,
Что, вздрогнув, просыпаемся мы с криком
И на кровать к родителям бежим.
А темнота за окнами, за дверью.
А шорохи в углах и закоулках.
Быть может, зло, таящееся в мире,
Всего острее дети прозревают?
Но, слушая ужасные рассказы,
Мы расстаемся с этим древним страхом.
И главное, чего теперь боялись
Отважные приятели мои:
А вдруг историй, ледящих кровь,
Я в сумерках рассказывать не буду.
И может, потому-то из Косого
Я в Кесаря однажды превратился.
«Эй, Кесарь!» Я охотно откликаюсь.
Уж лучше Кесарь, только б не Косой.

ТОВАРИЩ РАКИТОВ

В открытой машине его привезли.
И крепкие руки у нашего дома
Хватают меня. Высоко от земли
Плечо председателя облизполкома.

Веселым в то утро он был чересчур
И празднично слишком белела рубаха.
Авто распугало кудахтавших кур.
Сажу на коленях у гостя без страха.

Но страх в мою душу проникнет потом.
И в памяти долго рубаха белела
Того, кого вскоре объявят врагом
Народа за некое черное дело.

А он педагогов собрал в облоно
И дал указанье в последней беседе:
«Что будет — то будет. Но вы все равно
Разумное, доброе, вечное сейте!»

1978

ЛАПТА

О радость жизни, детская игра!
Век не уйти с соседского двора.
За мной являлась мать. Но даже маме
В лапту случилось заиграться с нами.

Чего ж ей, великанше, делать тут?
В нее ж мячом всех раньше попадут.
Кидать кидали, да не попадали.
И к ужину обоих долго ждали.

1978

* * *

В двенадцать лет я стал вести дневник
И часто перечитывал его.
И всякий раз мне становилось стыдно
За мысли и за чувства прежних дней.
И приходилось вырывать страницы.
И наконец раздумьями своими
Решил я не делиться с дневником.
Пусть будут в нем одни лишь впечатленья
О том, что я увижу и услышу...
И что же? Очень скоро оказалось,
Что впечатлений нету никаких.
Дом, улица и школа... В школе книги,
И дома книги, и с Вадимом, с другом,
Мы то и дело книги обсуждаем.
А если я по улице хожу,
То ничего вокруг себя не вижу.
Одни мечты плывут, как облака.
Но как-то раз я в уголке странички
Нарисовал кружок и две косички.
О впечатленьи этом сотни строк
Я б написал. Да не посмел. Не смог.

1978

НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Бологое... Бологое...
На озерах синий лед.
Вдоль по речке с острогою
Ходит мальчик, рыбу бьет.

И с азартною ухмылкой
Он пронзает рыбу ту
Алюминиевой вилкой,
Что привязана к шесту.

До меня ль сейчас мальчишке?
Встреч с поэтом он не ждет
И на праздник детской книжки,
К сожаленью, не придет.

Рыб-то, рыб в воде холодной!
Остальное — суета.
И душа его свободна,
Потому что — занята.

1978

РОДИТЕЛИ УШЛИ В ТЕАТР

Кто ж спит, когда в театр ушли родители?
Глухой удар подушки о подушку,
И ликование громкоговорителя,
Включенного на полную катушку.

До возвращенья взрослых далеко еще.
По радио резвится оперетта.
В трех действиях идет у нас побоище,
В антрактах — посещение буфета.

Коврижку обнаружил в тайном месте я.
С братишкой мы ее по-братски делим,
И снова — в бой. Последние известия
Нас наконец разводят по постелям.

И в тишине я слышу долгожданные
Шаги и мамин шепот: «Посмотри ты,
Какие щечки у детей румяные
Во сне!» И засыпаю как убитый.

1978

НЕМЕЦКИЙ

Окно — «дас Фенстер», стол — «дер Тыш».
Ты по-немецки говоришь.
В Берлине или в Бремене
Должны вполне серьезно
Мы вместо: «Сколько времени?»
Спросить: «Как это поздно?»
С заглавной буквы пишут там
И Ложку и Картошку,
Чем Уважение к Вещам
Внушают понемножку.
Вопроса: «Сколько тебе лет?»
У немцев и австрийцев нет,
Там задают для простоты
Другой вопрос: «Как стар есть ты?»
«Я стар одиннадцати лет» —
Примерно так звучит ответ.

1978

ПРОВОДЫ

Вспомнил о дяде, об интеллигенте.
Он инженером работал в Ташкенте.
Слышал я, что перед самой войной
Вроде бы он разошелся с женой.
Жил без вещей на случайной квартире.
Вышел оттуда в военном мундире.
И до трамвая его проводил
Быстрый арык, где он рыбку удил.
А телефонов тогда было мало.
Даже сестра про отъезд не узнала.
Бодрая весточка с передовой
С номером почты его полевой.

1978

* * *

Десяток мимолетных весен
Нам поздняя приносит осень.
И снова зеленеет озимь.
Снег полежит и вновь сойдет.
И вновь на комьях свежей вспашки
Цветут ромашки-замарашки,
Вчера ушедшие под лед.
И снова птицы прилетели,
Но не грачи и не скворцы,
А снегири и свиристели,
Певцы мороза и метели,
Зимы гонцы.

1978

* * *

«Я поумнел!» — ты пишешь. Наотрез
Отказываюсь верить в это чудо.
Ведь возгласа: «Я совершенно трезв!»
Из трезвых уст не слышали покуда.
А если бы и вправду было так,
Ты б написал: «Какой я был дурак!»

1978

ПАМЯТИ ПРИШВИНА

Сиянье снега в феврале
Поэт назвал веснойю света.
И вот — по милости поэта —
Весны чуть больше на земле.

1979

БОЛЕЗНЬ

Я болен. Родные в тревоге
От всех этих жарких простуд.
Мои всемогущие боги
Кого-то на помощь зовут.
Их лица белее бумаги,
А я покраснелся в жару.
Как видно, не знают бедняги,
Что я никогда не умру.

1979

* * *

Не бойся сказок. Бойся лжи.
А сказка? Сказка не обманет.
Ребенку сказку расскажи —
На свете правды больше станет.

1979

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

Подошла к нам двоим
И легонько отца обняла:
«Сколько лет, сколько зим!
Вот ведь, милый, какие дела!

Это сын твой? Большой...
На тебя-то не слишком похож.
Видно, в маму удался.
Ну что ж, расскажи, как живешь?»

И глядит на меня.
И стремится она угадать
По лицу, по одежде,
Какая у мальчика мать.

1979

ХИТРЕЦ

Он, дескать, глуп. Он, дескать, мал.
А наш глупыш, собой владея,
С большим умом осуществлял
Свои дурацкие идеи.

1979

МИЛИТАРИСТ

Что-то грустно. На́ сердце тоска.
Не ввести ль куда-нибудь войска?

1979

* * *

Вот двое влюбленных на лоне природы
Читают стихи и жуют бутерброды.
Две толстых вороны на ветках сухих
Сидят и внимательно слушают их.
Уходят... И вслед за четою влюбленной
На место свиданья слетают вороны,
И крошки клюют на примятой траве,
И долго стоят голова к голове.

1979

ПОНИМАЮЩИЙ ВЗГЛЯД

Взглянула и тут же она поняла:
«Вот этого я б одурачить могла!»
А он? Он был очень растроган и рад:
«Какой у нее понимающий взгляд!»

1980

ДРУЖКИ

У них закон: услуга за услугу,
Спасать друг друга, помогать друг другу.
Как жаль, что это сукины сыны,
А то б их дружбе не было цены.

1980

ДУХ И ТЕЛО

Как быстро юность пролетела!
И дух уже сильнее тела.

1980

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

Над Карповкой дождик накрапывал,
Прохожих слегка поторапливал.
А мы не спешим. Мы — приезжие
На питерском том побережии.
За стеклами лира злаченная,
Из лучшей муки испеченная,
В таком же классическом штиле,
Как львы, колоннады и шпили.
А в булочной — дух каравая.
А в детстве — война мировая.
Так пой же о сладости мира,
Волшебная хлебная лира!

1981

ЭШЕЛОНЫ, 1941

С милым домом разлученные,
В горьком странствии своем
Пьем мы только кипяченую,
На чужих вокзалах пьем.

Было нам в то время грозное
Чем залить свою тоску.
Эх ты, царство паровозное!
Сколько хочешь кипятку.

Погодите-ка, товарные!
Пей, бригада, кипяток.
Пропустите санитарные
Эшелоны на восток.

Погодите, пассажирские!
Сядьте, дети, на траву.
Воевать полки сибирские
Мчат курьерским под Москву,

Командиры осторожные
Маскировку навели.
Эх, березоньки таежные,
Далеко ж вас увезли.

Паровоз рванет и тронется,
И вагоны полетят.
А березки как на Троицу,
Как на избах шелестят.

ГУЛЯЕВ

Ивану Киуру

Пожалел меня Гуляев, что я стану стариком,
Будто сам-то он сумеет этой доли избежать.
Научил, когда и сколько нужно спать, ходить пешком,
Как в обед не наедаться и по правилам дышать.

Судьбы взрослых ткнут подростки,
И была моя судьба
Решена на перекрестке
У фонарного столба.

Не любил я самураев, но приятель их любил
За приемы джиу-джитсу и приемы карате.
Чтоб рука стальной стала, он ребром ладони бил
По столу, по школьной парте и по каменной плите,

По столбам и по ступеням,
По деревьям на пути.
«Силу, — он сказал, — терпением
Должен ты приобрести».

Ах, какими молодцами будем мы за шестьдесят
Оттого, что мудрецами стали мы в тринадцать лет.
Жаль, не скоро мы увидим драгоценный результат
Этих длительных прогулок и спасительных бесед.

Пожалел меня Гуляев,
Что я стану стариком:
«Избегай, — сказал, — трамваев,
Не ленись ходить пешком!»

О СПЛЕТНЕ

Когда конец приходит сплетне?
Когда встречаются последний,
Кто эту сплетню говорит,
И первый, кто не повторяет.

1982

ПАМЯТИ Т. И. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Розы в блеске морозного дня.
У могилы стою на ветру.
И впервые утешит меня
Мысль о том, что я тоже умру.

1984

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОЙНЫ

Шел первый вечер, быть может, последней войны.
Как на поминках, едим со слезами блины.
Долго сидим, и едим, и глядим на отца.
Тихо, так тихо, что слышно, как бьются сердца.
Сладок чаек, да на лицах печали печать.
Что ж не приходит рассыльный повестку вручать?
Может, и с этой, как с первой войны мировой
Или с гражданской, отец возвратится живой.
Нитки. Иголка. Опасная бритва. Блокнот.
Сборы и вправду недолги в далекий поход.
Выйдет пехота планету спасать и страну.
Как на работу, собрался отец на войну.

1984

ПРОГУЛКИ С ЧУКОВСКИМ

Мне четырнадцать лет, а ему шестьдесят.
Он огромен и сед, и румян, и носат.
Он о сыне скорбит, я грущу без отца.
Май цветет. А войне все не видно конца.
Осторожно мою он решает судьбу
И тревожно глядит на мою худобу.
Завтра утром меня он помчится спасать.
А пока он покажет, как надо писать,
И прочтет мне стихи, что великий поэт
Сочинил про любовь двадцати семи лет,
Вспомнит то, что меня еще ждет впереди.
О поэзия! Души людей береги,
Чтоб нашли в тебе силы и общий язык
Этот хилый мальчишка и крепкий старик.

1984

* * *

В тиши музейного зала,
Где публике лет под сто,
О смерти стишок читала
Агния Львовна Барто.

А на нее глядели
Старушки и старики
И на глазах молодежи
От каждой ее строки.

Так внемлют в возрасте нежном,
Забыв забавы свои,
Стихам о том неизбежном,
Что каждого ждет, — о любви.

1985

ДОГАДКА

Зачем он сделал этак, а не так,
Я размышлял и попадал впросак.
Мол, странности. Мол, солнце не без пятен.
Но чуть предположил, что он — дурак,
Весь смысл его деяний стал понятен.

1985

РАСШИРЕНИЕ КРУГОЗОРА

На кочку влез болотный хмырь:
«Какая даль! Какая ширь!»

1985

СТОЯНИЕ НА УГРЕ

Друг друга проклинали деловито,
И слушала угорская вода:
«Поганые!» — кричали московиты.
«Гяуры!» — отвечала им орда.

Но вот мороз, Угра ледком покрыта.
Но кровь ничья не обагрила льда.
Последней схватки, битвы знаменитой
История лишилась навсегда.

Орда уходит в ночь. А наши ратники,
Всяк жив-здоров, доспехи аккуратненьки,
Под бабий смех плетутся в стольный град.
Без крови, без могил конец неволе.
А кровь была на Куликовом поле
До капли пролита сто лет назад.

1985

* * *

Нация? Замечу в скобках, братцы, я,
Уважая ваши убеждения,
Что слова «национальный», «нация» —
Иностранного происхождения.
Лексика трибунно-кабинетная.
Сам народ в житейском обиходе
Скажет: «Бабы — нация зловредная», —
Или что-нибудь в таком же роде.

1987

НА ПОЛЯХ СТАТЕЙ С. КУНЯЕВА
О В. ВЫСОЦКОМ

Там, где прах Высоцкого Володи,
Горевал Куняев о народе,
Горевал Куняев о народе,
Что народ горюет по Володе.

1987

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА (1936 г.)

«Берестов, — отцу сказали, —
Признавайся: ты — эсер.
Доказательства искали,
Пыль в архивах подымали,
В украинских, например.

А теперь мы их предъявим.
Ты не зря эсерство скрыл.
Что в Екатеринославе
Ты на съезде говорил?

С чем ты шел к эсерам этим?
Что сказал им про террор
В тысяча девятьсот третьем?»
— Что сказал? Наверно, вздор.

Что еще сказать в то время
Мог ребенок лет восьми?
«Как восьми? У, вражье семя!
Выкрутился, черт возьми!»

1988

ДИОНИСИЙ

Двигались они к монастырю,
Он и ученик его Арсений,
Видя пред собою то зарю,
То свои возвышенные тени.

Тень его росла. А вместе с ней
Вырастал и замысел высокий:
— Ты представь, Арсений, мир теней,
Где царят святые и пророки.

Вот и нарисуй большую тень
И пресветлый лик, прекрасный с виду,
Ризою узорной тень одень
Или облеки ее в хламиду,

Чтобы вечно с росписи цветной,
Сделанной по мерке человеческой,
Говорил с живыми мир иной
О высоком и о жизни вечной.

1989

* * *

Страна всплывает, как со дна морского,
Вся в водорослях, в тине и в грязи.
И столько здесь волнения мирского
(Взывай! Взрывайся! Вязни! Вывози!),
Что чуда настоящего не видишь,
Хотя почти немислимо оно.
А это выплывает Китеж,
Когда-то канувший на дно.

1989

ЭРОТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Они внушают нам ретиво
Посредством кисти и пера,
Кино и фотообъектива,
Что голь на выдумки хитра.

1991

СТАРАЯ ОРФОГРАФИЯ

И снова Русь зовут святою.
Санкт-Петербург возник опять.
Нет только ижицы с фитою,
«И» с точкою и буквы «ять».

Крушили вечные устои,
Спешили все ломать и мять.
А свергли ижицу с фитою,
«И» с точкою и букву «ять».

1992

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

Так вот ты какая, так вот ты какая, Свобода!
Намного смелей и намного беднее мечты.
Семь лет под землей в электрическом сне перехода
Белеют газеты твои и алеют цветы.
Играем на флейтах, поем и торгуем свободно.
А вместо медяшек бумажки народ подает.
Ведь возраст у нашей Свободы, увы, переходный,
И грязен, опасен прекрасный ее переход.

1992

КОШМАР

Все до ужаса было знакомо.
Стенгазета. Приказов доска.
Рядом с ней объявление месткома
И еще два каких-то листка.
На плакате по ленте багровой
Почему-то славянская вязь:
«Человек человеку корова», —
Прочитал. И проснулся, смеясь.

1994

«ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ...»

Александру Аронову

Остановиться, оглянуться
Призвал Аронов наш народ,
Что в вихре войн и революций
Все время двигался вперед.
Остановились. Оглянулись.
Перепугались. Отшатнулись.
И бодро двинулись назад
С орлом двуглавым на штандарте,
С другой границею на карте.
А всё Аронов виноват!
А ведь начальство понимало,
Когда поэтов зажимало,
Что стихотворная строка
Сильнее лозунгов ЦК.
Недоглядело. Не поймало.
Сочло, видать за дурака.

1994

* * *

Это было в начале сорок девятого.
Горбоносой студентки прелестная челка.
Я сказал: — Ты похожа на Анну Ахматову!
А она: — Как не стыдно! Ведь я комсомолка

1994

ПАРНОСТЬ СЛУЧАЕВ

Где государством управляет ложь,
Там правдолюбец славен и хорош.
Где жуликам царить дана возможность,
Прославится их противоположность.
Так водится, что парами идут
Лжец с правдолюбцем, с бескорыстным — плут.
Лжецы и правдолюбцы стали тише.
Плут с бескорыстным занимают ниши.

1994

* * *

Впервые в России за столько веков,
Жестоких и чуждых морали,
Живем мы под властью таких дураков,
Которых мы сами избрали.

1995

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ РАЗГОВОР

«Что вы ползете? Ах, сломали ногу?
Я думала, вы делаете йогу.
Который час? Без двадцати пяти?
А как на электричку нам пройти?»
Сказав спасибо, с Рождеством поздравили
И по́ снегу ползти тебя оставили.

1995

РУССКАЯ ИДЕЯ

Простим своей стране ее историю.
Она не будет будет больше, господа
(Как в детстве говорили иногда!).
И климат ей простим, и территорию,
И бездорожье. Это не беда!
Не будем ей указывать отечески,
За кем идти и двигаться куда.
Она решила жить по-человечески.
Простим ее за это, господа!

1995

ИЗ МОРИСА КАРЕМА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Бельгийца Мориса Карема (1899–1978) называют Поэтом Радости.

Радость я испытал при первом же знакомстве с ним. «Новый мир», 1956 год. Рецензия Н. Разговорова на бельгийский журнал «Пуркуа па?», а в ней пересказ стихов Карема, примерно такой: «Яблока мало, чтоб наполнить корзину, яблони мало, чтоб зашелестел сад, но раздели яблоко с другом, и доброта осуществится полностью». Великий поэт? А вдруг он вопреки западной моде еще и рифмует? И надо же! Из Бельгии вернулся С. Михалков. «Симпатичный старичок, — слышу ответ на мои расспросы, — переводит

мои басни». И дарит мне три книги Карема. Так и есть! Великий поэт! Добр, классичен, близок народной песне, понятен даже детям. Начинаю потихоньку переводить, просто так, для себя. А тем временем песня А. Дулова про хромого короля в переводе Кудинова прославила Карема на всю нашу страну. А как в Бельгии?

День рождения переводчика К. Богатырева. Прелестная бельгийка Николь Везар, прекрасно знающая русский. Приглашаю на танец, чтобы поговорить о Кареме. «Симпатичный старичок! — говорит Николь. — Я его соседка. Вы говорите, великий поэт? Ха-ха-ха!» Читаю перевод и слышу: «Это вы — великий поэт!» Читаю те же стихи в оригинале. «Еще лучше, чем у вас, — ахнула собеседница. — Может, и вправду великий?» Вернувшись, обо всем рассказала Карему. Получаю от него несколько тюков с книгами. Набирается сборничек «Радость» для Детгиза. Чудесные рисунки В. Пивоварова. Письмо из Брюсселя: «Я подпрыгнул от радости!» Подружились по переписке. Насчет Великого Поэта я оказался прав. Так величают его земляки. А в Париже даже избрали Принцем поэтов. Порадуемся вместе Поэту Радости!

Валентин Берестов

МОЛИТВА

О, Дева Мария! О, мать Христа!
Храни папу с мамой,
Меня и кота!
И пусть он поймает мышь,
Которую Ты не хранишь!

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, морю
Еще одна капля нужна.
Может быть, полю
Нужна еще горстка зерна.
Может быть, ветру
Еще одну ласточку надо
И одного муравья
Не хватает соседнему саду.
Всем чего-нибудь мало.
Чего тебе мало, малыш,
Когда на руках у мамы
Ты, как остров на озере, спишь?

ТЕНЬ НА ОГРАДЕ

Брожу по саду.
Роза расцвела.
И на ограду
Тень ее легла.

Ты в тень цветка
Тихонечко войди.
О, как легка
Тень розы на груди!

* * *

О краткой жизни сожалею.
Неужто время истекло?
Пусть волосы мои белее,
Чем снег... Но в доме так тепло.

Смеется нож с масленкой рядом.
Спит хлеб, как остров золотой.
Глядит цветок беспечным взглядом
На стол мой, солнцем залитой.

Я не ушел еще отсюда,
И жажда счастья велика.
А чтоб напиться (вот ведь чудо!),
Довольно одного глотка.

УТРО

Снова хлеб с тобой разделим
В этот свежий ранний час,
Скатерть белую расстелим.
Ветерок овеет нас.

Чашки с блюдами смеются,
Потому что мы с тобой
Отразились в каждом блюде,
В каждой чашке голубой.

Радость к нам слетит, как птица,
Будет крошки брать из рук.
Я боюсь пошевелиться,
Чтоб она не скрылась вдруг.

ИЗ КНИГИ «ЖЕНА»

1.

День ото дня в кругу обычных дел
Ты у меня еще прекрасней стала.
И о подобной женщине, пожалуй,
Я раньше и мечтать бы не посмел.

2.

Ты — моя вода и мой огонь.
Ты — в моей неделе воскресенье.
Линией судьбы в мою ладонь
Ты была впечатана с рожденья.
Ты — мой хлеб, мое второе Я,
Кровь, что сердце заставляет биться.
А еще ты — песенка моя.
Сказка, согласившаяся сбыться.

* * *

Портовый полдень полон ласки.
Не торопитесь в дальний путь!
Вот солнце, выйдя из коляски,
В кафе решило заглянуть.
Сирены спят на дне залива.
Пусть чайки рвутся в океан,
Зато в кафе такое пиво,
Служанка юная учтива.
Не торопитесь, капитан!

* * *

Если хочется пить, то колодец копай.
Если холодно станет, то печь истопи.
Если голоден, то испеки каравай.
Если ж ты одинок, то чуть-чуть потерпи
И потянутся путники по одному
И к воде, и к теплу, и к тебе самому.

ШКОЛЬНИЦА

У Пифагора теоремы,
Колумб Америки достиг,
А у Гомера две поэмы,
И принц у Золушки жених.

Один проделал путь тяжелый,
Другой нашел свою мечту.
А я? А я бегу из школы
С цветком шиповника во рту.

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

На кладбище возле солдатских могил,
Где плющ, зеленея, надгробья обвил,
Сраженье рожок протрубил.

Мечи деревянные глухо стучат,
И мечутся тени погибших солдат
Под громкие крики ребят.

А там, за оградой, лугов тишина.
Вдоль кладбища стадо идет, как волна,
Не зная, что рядом — война.

А там в отдалении колокол бьет.
Залая в селении пес у ворот.
Крестьянин за плугом идет.

НАПОЛЕОН НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Наполеон на воздушном шаре
Вдруг улетел неизвестно куда.
Сопровождает государя
Старая гвардия как всегда.

Взял он с собою пушки и порох,
Чтоб устраивать в небе грозу,
И затерялся в воздушных просторах,
К радости всех, кто остался внизу.

ПРО ПАУКА И ТРЕХ СЛОНОВ

Зашвырнула буря в сад
Трех невиданных слонят.
Каждый чуть побольше мошки.
Копошатся на дорожке,
Поднимают хоботки,
Собирают лепестки.

Но их увидел мой знакомый паук
И прошептал: «Осторожнее, друг!
Не прыгайте и не чихайте,
Слонов моих не распугайте!
Сейчас я сплету паутину
И сеть на добычу накинута.
В моей паутине, в кормушке-ловушке,
Качались одни только мошки да мушки.
Пора бы попробовать мясо слоновье.
Я слышал, оно укрепляет здоровье».

Пока пауки паутину плетут,
Слоны потихоньку растут и растут.

Кто это движется с ревом и топотом?
Кто это машет огромнейшим хоботом?
Шагают слоны по тропинке.
Висят на слонах паутинки.

А все же хорошо тому кому
хорошо быть во глосном блену!

15.11.98.

В. Бренч

ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ С ВАЛЕНТИНОМ БЕРЕСТОВЫМ

Такой московский — грузен и небрит,
Вдруг просиял и явно не по теме:
— Вон питерская рифма, — говорит, —
Пельмени — Мельпомене.

Ремонт в пельменной. В драме перерыв.
И самозванцем выглядит философ,
Что, лирику дидактикой смирив,
Юродствует заради парадоксов.

Се хохотун. Неправильный герой
Из детства, из придавленного действия.
Но я-то видел, как при нем иглой
На караул берет Адмиралтейство.

1990

Он так боялся своего семидесятилетия («Меня же тут разорвут!...»), что сбежал от него аж в Америку, к дочери. Не помогло. Вернулся — достали, долюбили, разорвали.

— Загнали мы с тобой Валю! — сказал совестливый Александр Аронов, у которого Берестов за пару дней до своей последней больницы выступал на поэтическом вечере. Вечер Аронова был в здании «Русского Дома», в полуподвале какого-то театрала у Чистых прудов. Берестов выступал как обычно, то есть с блеском. Потом посидели у стойки театрального буфета с Вадимом Черняком, еще одним замечательным (и потому малоизвестным) поэтом, и я убеждал Берестова держаться до XXI века. А то чего ты когда-то написал: «И я пойду туда дорожкой строк...»

Берестов вскинул брови:

— Да, это странная история. Почему-то, когда я эти стихи опубликовал, критики решили, что я пишу о смерти... О том, что не доживу... А я о жизни писал: «...И потрублю немножко в свой рожок...»

Потом, уже вдвоем, мы шли из театра в метро. Тротуар был разрыт (меняли кабели или трубы), и мы грохотали по наброшенным на полутораметровую бездну гулким металлическим щитам. Говорить было решительно невозможно, но я пытался процитировать ему невесть откуда всплывшие юношеские свои стихи: «...Скрипят полуботинки об искусственный настил, // А тяготы земных пластов известны // Строителям, шахтерам да копателям могил. // Зато всегда при нас иные бездны».

И последние минуты в той, земной жизни — один перегон столь же гулкого тоннеля (ему от Чистых до Юго-Западной, мне до Лубянки).

Обнялись. Уже выйдя, я оглянулся и увидел совсем другое лицо — некрасивое, искаженное гримасой то ли боли, то ли мысли. И величественное, как боль или мысль. То, которое через несколько дней будет смотреть в себя в дешевом и красном, советской выделки, фанерном гробу.

* * *

В 70-х у него висела на стене маленькая гитара, на которой был наклеен газетный заголовок «Вдруг придет Булат».

Булат так и не пришел, хотя они и успели обняться (на улице, случайно) перед уходом из этого мира.

Окуджава был после тяжелой своей закордонной больницы. Вот их разговор в пересказе Валентина Дмитриевича:

— Ну что, Булат, а хорошо жить?

— Хорошо.

Я успел рассказать Окуджаве, что Берестов написал о нем мемуар.

Окуджава живо заинтересовался, но потух, когда выяснилось, что эти воспоминания он уже читал.

Он хотел еще.

А вот мой последний разговор с Окуджавой в его Безбожном переулке:

— Берестова недооценивали, потому что у него не было врагов. А сейчас я думаю, а так ли уж это и плохо — не иметь врагов?

Не было врагов?

И до сих пор живы те, кто ненавидел и ненавидит Берестова. (Откройте, если не брезгливы, хотя бы том мемуаров Виктора Топорова. Это именно ненависть, то есть активное неприятие, неприятие до судорог пера, до лжи, до жидкого — от страха, что ли? — словесного стула.)

Топоров, видимо, не знает, что Берестов говорил: «Осторожно, я — зеркало. Вы хотите сказать обо мне, а говорите о себе». Знал бы — подумал, какими точными эпитетами сам себя награждает и аттестует.

— Это у Берестова-то врагов не было? — кричу Булату через стол, на котором почти холостяцкая закуска и бутылка выставленной им и им же сполна аттестованной водки («Немецкая, грушевая, хорошая, Войнович привез»). — Да его вся

эта квасная шобла ненавидела еще больше, чем вас: «Он же — де-т-ск-ий!..»

Окуджава удивлен. С номенклатурной публикой, которая интеллигентность (особенно провинциальную, по-старорусски народническую) считает инородством, а детскость и чистоту — страшно неприличным извращением, Булат давно уже не пересекается.

«Легкий был человек, — скажет о Берестове мой питерский приятель, театральный режиссер, — все богатство дарил сразу».

Дарил. Но и мучался оттого, что его, первостатейного русского лирика, записывают то «в детские», то в подражатели его любимого Маршака.

Легкий?.. Ну да, потому что дружбу считал нормой общения. Его друг Натан Эйдельман полагал, что дружба выше любви, но Берестов пошел, пожалуй, дальше. «Дружба, — говорил он, — это единственная возможность войти дважды в одну реку». И при этом его дружба всегда была любовью: умел и ревновать, и обижаться, хотя обиду не показывал, а любимым ругательством было «Ну, злодей!».

Впрочем, если и обижался, то только на своих.

Когда в начале 80-х его телефон посадили на прослушку, он вдруг полюбил длинные телефонные разговоры обо всех, с кем дружил в юности, — о Пудовкине, Ахматовой, Чуковской, Маршаке и Алексее Толстом: «Они (то есть те, кто слушают) тоже люди, их надо просвещать!»

Добрый?..

Вот сценка на его кухне на улице Волгина, куда за четверть века нашего общения я перетаскал всех моих друзей-стихотворцев. Конец 70-х. Стихи читает И., только что объявившийся откуда-то с Алтая молодой, мрачный, входящий в богемную популярность поэт. Стихи с длинной стро-

кой, метафорические (но не под Бродского) и скучные. Читает десять минут, пятнадцать...

— Иван, а дайте-ка мне глазами...

Берестов с носом уходит в рукопись. И вдруг:

— Послушайте, да вы же прекрасный французский поэт!..

И к изумлению бедного Вани, начинает с листа переводить его стихи на французский:

— Слышите, вот и звук появился!..

Добрый...

Он сам рассказывал, как на каком-то вечере объявился странный полукарлик, преследовавший его своими претензиями в послевоенной Москве. Объявился (лет через тридцать) и взялся за старое.

— У меня в глазах помутилось, и вдруг, как молния, — две строки. А в следующую секунду понимаю, что, если я сейчас прочту их вслух, эти строки его убьют... Я не прочел...

А строки были такие:

Хоть и не вырос этот гном,
Остался он большим говном.

Детский... Лишь с третьей попытки в «Новой газете» мне удалось опубликовать берестовский отклик на гигиеническую рекламу, заполонившую ТВ в середине 90-х. (Долго пришлось объяснять коллегам-журналистам, что это называется не пошлость, а сатира.) Ну представьте, что, насмотревшись телевизора, должна думать маленькая девочка о своем будущем:

Женщиною быть довольно гадко.
Сверху перхоть. А внизу прокладка.

Его друг Наум Коржавин уже после распада коммунистической империи сказал, что у Берестова есть один недоста-

ток — он *вежливо мыслит*. Берестов тогда вежливо же промолчал. Вступлюсь, позволив себе цитату из собственных (неопубликованных) записок:

Сатанаил. Анаграмма, образованная из фамилии «Сталин» году в 1979-м поэтом Валентином Берестовым. Композитор Григорий Гладков, зашедший ко мне в гости и впервые в жизни увидевший Берестова, так растерялся, что решил спросить у него что-то самое-самое, но вместо этого вдруг брякнул: «Валентин Дмитриевич, а почему в словах „Сталин“ и „Сатана“ все буквы одинаковые, а „л“ — лишнее?» Берестов сдвинул очки на нос и на несколько секунд напрягся. А потом вскинул на нас детские, но почему-то в тот миг очень серьезные глаза и сказал: «А потому что Сатанаил».

Кажется, это не пришло в голову ни одному из раскулаченных Сталиным старообрядцев. Иначе бы мы это слово знали.

За «вежливость мышления» экстраверт Коржавин принял ту внутреннюю работу, которая в Берестове происходила постоянно. А ведь они не одно десятилетие крепко дружили и, кажется, всегда друг дружку понимали.

Вежливый?

Это он-то, который мог заявить в компании снобствующих ленинградцев: «А Петербург москвич построил!» (На него, впрочем, не обиделись: и не потому, что Берестов калужанин, а потому что он просто Берестов.)

Он рассказывал, как пожаловался Чуковскому в середине 60-х, что пишет археологическую прозу, а стихи не идут, и услышал от тишайшего деда Корнея: «Валя, вы еще такой молодой человек, что не знаете: по одному и тому же каналу в одно и то же время моча и сперма идти не могут!»

Ну конечно, вежливый...

Рубеж 70–80-х. Улица Качалова. Вечер. Снегопад. Мы с Берестовым идем мимо радиокомитета к Садовому кольцу,

навстречу выплывают трое прохожих: длинный витийствует, а по бокам двое (непонятно какого роста, потому что идут в полупоклоне). Когда почти поравнялись, длинный картинно выкинул руку вверх и громко произнес:

— Я испытал невыразимую...

— Здравствуй, Женя! — просто сказал Берестов.

— ...А... Валя... привет! — досадливой скороговоркой отозвался на ходу Длинный. — Так вот... Я испытал невыразимую тоску!..

И вновь вскинул руку к снежным и пустым небесам.

Наверное, это было лучшей иллюстрацией к любимой Берестовым толстовской (Льва Николаевича) формуле модернизма: «Похоть. Гордость. Горечь жизни».

Хорошо, что смех при снегопаде звучит тише, чем обычно: сдерживались мы до последнего — шага три или четыре.

* * *

А еще он любил повторять где-то им вычитанное: человек редко думает, 90 % того, что мы говорим, — повторение чужого.

То ли в конце 80-х, то ли в самом начале 90-х по его требованию мы перешли на «ты». Требование было неожиданным и решительным. Меня вполне грело наше многолетнее «вы», прошедшее испытание двумя десятилетиями, но почему-то я понял, что отказаться нельзя:

— Хорошо, но тогда «Андрей — ты», «Валентин Дмитрич — ты».

Это Нинка Короткова, дружившая с его дочерью Маринкой с розового детства, не испытывала потребности в его отчестве и вкусно звала его «дядей Валечкой».

Нет, дико было не само «ты» в адрес человека, который был младше моего отца, но старше мамы. Мой приятель,

московский лингвист Сергей Николаев, однажды, сам того не заметив, сказал четырехстопным ямбом фразу, которая вполне тянула на строку из стихов о Лже-Дмитрии: «Жеманно выкая по-польски...» (Моду на «вы» на Руси ввел Алексей Михайлович, так что наше «вы» — не французское, а именно польское заимствование из французского.) Дико было то, что разрушался привычный фонетический образ, и такое родное «Дмитрич», отлетая, оголяло какие-то валентности в оставшемся трехсложном его имени.

Представить себе что-то вроде «А я тебе, Валентин, скажу...» было столь же нереально, как примерить бабаевское (его детского еще друга литературоведа Эдуарда Бабаева) «Валя!» или коржавинское «Валька!».

Берестов согласился на мой вариант, и потом я несколько лет учился выговаривать на людях «Ты, Валентин Дмитриевич...», ловя то удивленные, то полуиспуганные, даже ревнивые взоры.

Пушкин прав: в наших устах «вы» — пустое, а «ты» — сердечное.

Недавно я поймал себя на том, что, даже если не повторяю его мысли, все равно на девять десятых мыслю в его парадигме. И сам не замечаю, что при всей несхожести и наших поэтик, и наших патур в душе ношу странное звание его ученика. А это звание, как говорил Александр Аронов, — пожизненное.

А для тех берестовских учеников, которые еще родятся (и чьим грядущим стихам он порадовался бы как своим), сообщаю его «Правило слабой строки». Звучит оно так:

«Слабая строка в стихотворении указывает на то место, на котором должна быть самая сильная строка. Просто именно здесь сопротивление материала оказалось больше, чем во всем тексте. Значит, эту крепость надо брать осадой».

Эта осада, как я знаю, по всем правилам военного искусства могла длиться по несколько лет.

Впрочем, было и второе правило Берестова: в первой строке стихотворения интонация должна идти вверх, иначе стихи застрянут на месте. Это как у Пушкина: «Вошел — и пробка в потолок!..»

* * *

В 70-е он говорил: «Вас должны бить в той комнате, в которой вас уже нет». Увы, сам он оставался в тех комнатах, которых уже и на свете не было. На заре горбачевской реформы (он предрекал ее лет за десять, уговаривая нас не спиться, не изблядоваться, не уехать, а подождать того времени, «когда за газетами будут занимать очередь у киосков с шести утра») он читал нам с Ниной Коротковой свои стихи, опубликованные, кажется, в «Огоньке» еще при Сталине. Стихии были очень советскими, но почему-то свежими. И вдруг строка:

Стали настоящие преграды...

«Что?!» — в голос ахнули мы с Нинкой.

Изумление наше не знало границ. У Берестова главный критерий качества стихов определялся ахматовским к ним подходом: «Есть звук!» (Или «Нет звука...»). Этот подход определял не строку, а саму жизнь. И вдруг — такой стык, такое сращение: «Сталина стоящие преграды...»

Тогда-то я впервые в жизни и увидел, как мгновенно может выступить пот на человеческом лбу:

— Боже, и ведь никто не заметил...

Советская власть сломила (не сломала, но перекорежила) его в 46-м. Постановление ЦК ВКПб о журналах «Звезда» и «Ленинград» вместе с докладом Андрея Жданова метили даже не в Ахматову и Зощенко, а в первую очередь в ту сво-

бодолюбивую послевоенную поросль, из среды которой ждали тогда «нового Пушкина».

Товарищу Сталину живые Пушкины были не нужны. Берестов рассказывал, как читал он на улице, под дождиком, газету «Правда» и думал: «Я не понимаю, почему Ахматова — враг. Значит, я тоже инфицированный. А коли так, то я не имею права писать стихи».

Чего стоил для русской поэзии побег Берестова в «поле», в археологическую прозу, мы никогда не узнаем.

Только из этого своего «поля» он всегда возвращался с удивительными находками. И главные из них были связаны с пушкинистикой. Мало того, что Берестов открыл русскому читателю мир пушкинского детства (тоненькая его книжка «Ранняя любовь Пушкина» была издана в библиотечке «Огонька» в 1989 году), он еще и ухитрился отыскать два неизвестных стихотворения Пушкина... в собрании сочинений самого Пушкина.

Берестов говорил, что в пушкинистике сегодня почти невозможны мелкие открытия. Только — крупные. И сам четырежды блистательно подтвердил это.

Сначала он объяснил, что за пушкинским выражением «лестница чувств» стоит секрет русской национальной художественной формы. Пушкин открыл лестницу чувств, слушая народные песни, и применил это свое открытие в «Онегине» (Валентин Берестов. Лестница чувств. М.: Вагант, 1996).

Потом Берестов показал, что якобы записанная Пушкиным в Михайловском песня «Как за церковью, за немецкою...» — стихи самого Пушкина. Причем одни из последних, написанные уже в квартире на Мойке, из окон которой была видна Немецкая лютеранская церковь.

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец Богу молится.
— Как не дай, Боже, хорошу жену, —

Хорошу жену в честной пир зовут,
Меня, молодца, не примолвили.
Молоду жену — в новы саночки,
Меня, молодца, — на запяточки.
Молоду жену — на широкий двор,
Меня, молодца, — за воротички.

К слову «примолвили» поэт ставит сноску: «пригласили».

Это очень страшные стихи: «честной пир» — царский. Когда «молоду жену» Наталью Николаевну звали в Аничков дворец, Пушкина нередко забывали «примолвить». Или же он, как арап на запятках кареты, провожал жену лишь до дверей, поскольку выяснялось, что поэту (и только ему одному!) не сообщили форму одежды.

Это не Хармс. Это Россия.

Еще одну тоже не народную, а пушкинскую песню Берестов обнаружил в собрании, переданном Пушкиным Киреевскому. И блистательно это аргументировал, разрешив загаданную самим Пушкиным загадку: мол, разбери, что поет народ, а что смастерил я сам. Над этой загадкой ломали голову и Киреевский, и многие поколения пушкинистов. Берестов же выявил единственную в собрании песню, которую нельзя спеть на одну мелодию. И оказалось, что песня «Уродился я несчастлив, бесталанлив...» именно «составлена» из образов и мотивов всех прочих.

В 80-х Берестов потряс меня еще одним новым пушкинским текстом. Написать работу о нем Валентин Дмитриевич не успел. Но подарил мне машинописный листок со своей реконструкцией пушкинского стихотворения.

Он просто мысленно соединил два отрывка, сохранившихся в бумагах поэта, а от себя добавил лишь два слова, чтобы заполнить пропуск в одном из стихов.

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жизнь люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,

Утратя молодость свою.
 Еще хранятся наслажденья
 Для любопытства моего,
 Для милых снов воображенья,
 Для чувств, /для существа/ всего.
 О сколько нам открытий чудных
 Готовит просвещенья дух
 И опыт, сын ошибок трудных,
 И гений, парадоксов друг,
 И случай, бог изобретатель...
между 1829 и 1836 годом

Самое ценное, что есть в стихах Пушкина, — это, наверное, их интонация. Ее-то и восстановил Берестов. И строки, которые от длительного телеупотребления стали почти никакими, вдруг обрели дыхание.

Были черновиком — стали шедевром.

* * *

В двухтомнике (Валентин Берестов. Избранные произведения. М., 1998), который он успел подержать в издательстве в виде сигнала (тираж привезли прямо к гробу в ЦДЛ), его лирика растворена в зарифмованных зарисовках и многочисленных стихотворных декларациях. Выковыривать оттуда истинно берестовские стихи — значит обладать правом на истину. Я этим правом не обладаю, потому эту подборку составил по своему вкусу и разумению. Критерием был тот же ахматовско-берестовский термин — «звук».

Берестов — не взрослый и не детский. Он поэт «общего рода», лирику которого (в обычном ее понимании) трудно отделить от мгновенных фотографий поэтической памяти, становящихся поэзией то ли благодаря доброте и юмору, то ли вопреки природному уму и профессиональной умелости автора. Свои стихи он предлагает читателю как дар своей дружбы.

Трудность отбора еще и в том, что Валентин Дмитриевич был сердечником (без нитроглицерина на улицу не выходил), а у поэтов-сердечников организм пытается перехитрить поэта. Сердце поэта знает, что именно через него проходит трещина мира, ну и сговаривается с мозгом и памятью, чтобы не разорваться прежде времени (так было и с поздним Окуджавой, говорившим мне перед своей последней поездкой в Германию и роковой Париж: «Строчки приходят, а что с ними делать — не знаю», и, как я полагаю, с поздним Бродским).

В последние годы лирика ему давалась трудно. Но это была не потеря дара, а болезнь тела. И он, кажется, сам это понимал:

А все же хорошо тому поэту,
Кого везут по детскому билету!

Впрочем, для Берестова это даже не стихи, а так, надпись на детской книжке, экспромт, сочиненный в одно мгновение в преддверии вечности.

Андрей Чернов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Какое отношение Валентин Берестов имеет к «Варварской лире»?</i>	3
Песенка шута	5
В очереди	6
Письмо от бабушки	7
Калужские строфы	8
В компании	11
Калуга, 1941	12
«Не по-русски, а вроде по-русски...»	13
Весенний ливень	14
Подмосковье	15
«О этот день, до полуночи утренний!»	16
Курган	17
«Девушка к нам подбежала одна...»	18
Несколько строчек о вечной любви	19
Письмо из экспедиции	20
«И стукнет нам по семьдесят пять лет...»	21
Из экспедиционного дневника	22
Экзамен	23
Сверхближний прицел	24
Снегопад	25
«Всем очень интересно...»	26
Статуя под покрывалом	27
Слой пожара	28

Ходули	29
«Октябрь. На первый снег зимы...»	30
Весенняя сказка	31
Глиняные боги	32
Черепки	33
Вредная пища	34
Сказка	35
Благополучие	36
Корнею Чуковскому	37
Надпись на справочнике творческого союза	38
Вокруг А. Синявского и Ю. Даниэля	39
«Другому ты привет передала...»	40
Из цикла «Веселые науки»	41
Ботаника	41
Возрастная психология	41
Геометрия	41
Диагностика	41
Зоопсихология	42
Критика модернизма	42
Педагогика	42
Пушкиноведение	42
Этика	42
Картинки в лужах	43
Читалочка	44
Заяц-барабанщик	45
Петушки	46
Что всего милее	47
Три победы	48
1. Приятная весть	48
2. Где право, где лево	48
3. Как я плавать научился	49
«Любили тебя без особых причин...»	50
Рожок	51

«Сидел смущенно в обществе лжецов...»	52
Парадоксы поэзии	53
«Писать вы стали мелко...»	53
«Я давно их задумал, и нес сквозь года...»	53
«Прочел твои стихи. Забыл их снова...»	53
Побег	54
Первый курс	55
«Откопана старинная монета...»	56
Подтекст	57
Человечек	58
«Прощались мы. И, дружбой дорожа...»	59
«Отец мой не свистел совсем...»	60
Прабабка	61
Костик	62
«Старуха белье полоскала...»	63
Фантики	64
Военная игра	65
«Да я же, как мальчишка, улыбаюсь...»	66
Прятки	67
Скамья над рекой	68
«Руки твоей прикосновение...»	69
«Полна, как в детстве, каждая минута...»	70
Городок	71
Купание	72
Семейная фотография	73
Кудри	74
Первая любовь	75
Билет метро	76
Ярмарка	77
Больничный двор	78
«Проснувшись, подхожу к окну...»	79
Пилоты	80

Отец на рыбалке	81
Тюря	82
На чужой стороне	83
«Ах, сколько звезд зимой, в ночи морозной...» ...	84
Над старой антологией	85
Под песню мотора	86
Искушение	87
Самолет прилетел	88
Три копейки	89
Вестовой	90
Турники	91
Ранняя слава	92
«А думал я, с детством прощаясь...»	93
«Сияют манящие дали...»	94
«Вечер. В мокрых цветах подоконник...»	95
Бабушка Катя	96
Баба Саша	97
Удивление	98
Если верить Пушкину	99
«Итак, библиотека, картотека...»	100
«Век двадцать первый... Ну, еще подъем...»	101
«Гляжу с высоты...»	102
«Это чудо жизни...»	103
Гололедица	104
Дракон	105
Шапка	106
«О чем поют воробушки...»	107
«Под столбом лежит ледышка...»	108
«И кого-то опять хороня...»	109
Голос в хоре	110
«Все жду, когда на улицу отпустят...»	111
«Помнишь звуки немого кино?»	112

«Нет годовщин у ледохода...»	113
«Уж если со мной он не дружит...»	114
Снежная горка	115
Три школьных возраста	117
Младший	117
Средний	117
Старший	118
«Он руку над партою тянет и тянет...»	118
«Просыпаюсь еще в темноте...»	119
21 июня 1941 года	120
Великан	121
Лермонтовский юбилей	122
Подростки	123
«Идя из школы после третьей смены...»	124
Школа, 1942-й	126
«Идет прогулочный баркас...»	127
Драконил	128
Калуга. Тридцатые годы	129
На языке тех лет	130
«А была это встреча из встреч!»	131
Активист	132
Размолвка	133
«Любовь начиналась обманом сплошным...»	134
«Долго мечтал я об этом дне...»	135
«Я тайну ему поведал...»	136
«Из дерева вырезал ловко...»	137
«Над нами снимал верхотуру...»	138
«Мама! Раскрылись твои маттиолы...»	139
Кесарь	140
Товарищ Ракитов	142
Лапта	143
«В двенадцать лет я стал вести дневник...»	144

Неделя детской книги	145
Родители ушли в театр	146
Немецкий	147
Проводы	148
«Десяток мимолетных весен...»	149
«„Я поумнел!“ — ты пишешь. Наотрез...»	150
Памяти Пришвина	151
Болезнь	152
«Не бойся сказок. Бойся лжи...»	153
Встреча на улице	154
Хитрец	155
Милитарист	156
«Вот двое влюбленных на лоне природы...»	157
Понимающий взгляд	158
Дружки	159
Дух и тело	160
Петроградская сторона	161
Эшелоны, 1941	162
Гуляев	163
О сплетне	164
Памяти Т. И. Александровой	165
Первый вечер войны	166
Прогулки с Чуковским	167
«В тиши музейного зала...»	168
Догадка	169
Расширение кругозора	170
Стояние на Угре	171
«Нация? Замечу в скобках, братцы, я...»	172
На полях статей С. Куняева о В. Высоцком	173
Доказательства (1936 г.)	174
Дионисий	175
«Страна всплывает, как со дна морского...»	176

Эротическое искусство	177
Старая орфография	178
В подземном переходе	179
Кошмар	180
«Остановиться, оглянуться...»	181
«Это было в начале сорок девятого...»	182
Парность случаев	183
«Впервые в России за столько веков...»	184
Интеллигентный разговор	185
Русская идея	186
ИЗ МОРИСА КАРЕМА. <i>От переводчика</i>	187
Молитва	189
Может быть	190
Тень на ограде	191
«О краткой жизни сожалею...»	192
Утро	193
Из книги «Жена»	194
«Портовый полдень полон ласки...»	195
«Если хочется пить, то колодец копай...»	196
Школьница	197
Военное кладбище	198
Наполеон на воздушном шаре	199
Про паука и трех слонов	200
<i>Андрей Чернов. ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ</i>	202

Литературно-художественное издание

Валентин Берестов

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Над книгой работали:

Владимир Антонов, Алла Борина, Сергей Борин,
Александр Воличенко, Алексей Дмитренко, Алексей Захаренков,
Марина Захаренкова, Галина Иди, Лев Конов, Ирена Кузьмина,

Наталья Мартынова, Елена Шипова

Корректор Людмила Виноградова

Верстка Натальи Нагиной

ЛР № 01190 от 13 марта 2000 г.

Подписано в печать 11.03.2003.

Бумага офсетная. Формат 80×100^{1/32}.

Гарнитура Балтика. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,48.

Заказ № 77.

ООО «Вита Нова»

Адрес: 198099, Санкт-Петербург, а/я 114.

Тел./факс: (812)147-26-35.

Электронная почта: spb@vitanova.ru

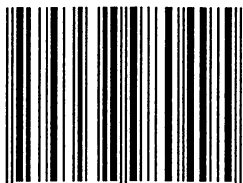
Сайт издательства: www.vitanova.ru

Книги издательства «Вита Нова»
можно приобрести в интернет-магазинах

www.top-kniga.ru, www.books.ru

www.petro-pol.com (США и Канада)

www.sputnik2000.com (Германия)

9 785938 980495

ISBN 5-93898-049-6

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГИПП «Искусство России»

198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

ВИТА НОВА

В серии
«ВАРВАРСКАЯ ЛИРА»
изданы:

Владимир Бережков
«Мы встретились в Раю»

Михаил Кочетков
«Два алкоголика на даче»

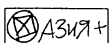
Александр Смогул
«Ни ожидания, ни боли»

Андрей Анпилов
«Домашние тапочки»

Елена Казанцева
«Концерт»

Александр Иванов
«Неожиданный подарок»

Владимир Каденко
«На долгую жизнь»

Студия современного искусства
«АЗиЯ-плюс»
представляет новый проект:
**«ВАРВАРСКАЯ ЛИРА—
МУЗЫКАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ»**

Подробная информация —
по тел. (812) 312-82-24
e-mail: sale@asia-plus.ru
адрес сайта: asia-plus.ru

ВИТА НОВА